

Сборник докладов Философского монтеневского общества 2019

Колыхнется русское поле...

внемли, Русский мир!

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Философского монтеневского общества

Луганск

ЛНР

2019

Философское монтеневское общество – 2019

КОЛЫШЕТСЯ РУССКОЕ ПОЛЕ... ВНЕМЛИ, РУССКИЙ МИР!

*Сборник докладов
Философского монтеневского общества*

**Луганск
ЛНР
2019**

УДК 140.8
ББК 87
К 60

Колышется русское поле... Внемли Русский мир!: Сборник докладов Философского монтеневского общества за 2019 г. / под ред. Ищенко Н.С., Заславской Е.А. – Луганск: Блиц-информ, 2019. – 124 с.

Четвертый сборник докладов Философского монтеневского общества Луганска вышел через пять лет с начала войны в Донбассе. В сборнике собраны доклады пятого военного года, а также те доклады, которые планируются к прочтению.

*За возможность
издать эту книгу
приносим благодарность
Георгу Федорову*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Вы держите в руках книгу «Кольшется русское поле... Внемли, Русский мир!» – четвертый сборник докладов Философского монтеневского общества (ФМО), которое существует в Луганске более 25 лет.

Общество названо в честь Мишеля Монтеня, французского скептика эпохи религиозных войн во Франции, врага всяческого фанатизма, бескорыстно разыскивающего истину. Общество возникло как сообщество людей, которые интересуются философией, культурологией, социологией и другими гуманитарными науками. Основные принципы Философского монтеневского общества – критическое отношение к любому мнению и право каждого высказывать любые идеи, не претендуя на знание высшей истины.

Хотя многие из докладов, сделанных на ФМО, легли в основу научных статей и диссертаций, долгие годы общество не издавало своих докладов.

Первый сборник докладов Философского монтеневского общества был опубликован уже в Луганской Народной Республике в 2015 году. Он назывался «На грани мира и войны», и был посвящен интеллектуальному климату Луганска в переломном для Украины, России и Донбасса 2014 году.

Второй сборник, «Четверть века с философией» был приурочен к 25-летию юбилею общества и представляет собой своеобразный интеллектуальный портрет луганской гуманитарной интеллигенции с последнего советского года до первого года войны с Украиной.

Третий сборник называется «Донбасс в огне» и посвящен столетию октябрьской Революции 1917 года и роли Донбасса в этих судьбоносных для России и мира собы-

тиях. Книга состоит из трех разделов. Первый раздел «1917. Ветры буйные бушуют, тучи грозные плывут...» посвящен событиям столетней давности, их предыстории и развитию в ходе Гражданской войны в Донбассе. Второй раздел «2017. Русские с нами и красное знамя...» изображает современную войну, идущую здесь с 2014-го года. Третий раздел «Связь времен» представляет собой попытку обнаружить какие-то общие черты происходящего, понять, что связывает эти две эпохи, разделенные целым веком: случайно ли вновь огонь вспыхнул именно здесь или тому были серьезные причины.

Настоящий, четвертый сборник докладов состоит из двух разделов. В первом разделе собраны некоторые из докладов, обсуждавшихся в течение 2019 года на заседаниях общества. Во втором разделе помещены тексты тех докладов, которые планируются к обсуждению в ближайшем будущем.

В завершение книги приводится поэтический комментарий современной военной ситуации – стихи луганской поэтессы Елены Заславской, автора поэтических сборников и текстов песен, а также лауреата литературных премий и постоянной участницы монтеневского общества. Поэзия и философия – две вершины человеческого духа. Платон цитировал Гомера, Хайдеггер – Гёльдерлина, и луганские философы продолжают традицию целостного постижения человека и мира.

Опубликованные тексты во всех сборниках намеренно приближаются к тому, как они звучат на заседаниях, не содержат научного аппарата и ссылок на литературу. Заинтересованный читатель может выяснить эти детали напрямую у автора, написав ему на электронный адрес, который приводится в начале каждого доклада.

Читайте, оценивайте, делитесь мнением, ищите истину вместе с нами!

*Нина Ищенко
Елена Заславская*

РАЗДЕЛ 1. СЛУШАЛИ

Атоян Арсентий Иванович
atoyannn@bk.ru

МОНТЕНЕВСКИЙ ПРИЗЫВ

Сохраним Русский мир на Украине и Украину внутри
Русского мира!
(К философской общественности, но не к ней одной)

*И в твоём вранье,
и в моём вранье
Есть любовь и боль
по родной стране*
Андрей Вознесенский

Но прежде все-таки следует заклясть демонов раздора. Очень уж разгулялись, буйствуют, перебрасывают друг на друга то, чего бросать не пожелаешь и врагу – тяжелые камни памятников из гранита и мрамора и дубовые гробовые доски могильников. Информационная блокада посредством улюлюканья в популярном жанре панихиды с танцами должна быть прервана тишиной. Тишиной орудий убийства, всех этих градусов, смерчей, ураганов, рукотворных модификаций первобытной дубины, продлевающей руку восторженного дикаря, наслаждающегося видом проломленного черепа. Вспомним слова великого евразийского поэта казаха Олжаса: «Я согласен быть черепом, кто-то согласен быть саблей!» Мы призываем очистить информационное поле от бряцания саблями. Собрать

черепа в нужное время и в нужном месте для приложения мозгов по необходимости и по свободе к камням преткновения дабы покатались они в нужном направлении. Прочь от демонов раздора. Упражнения в том, кто кого больнее заденет, оставим начинающим адептам извечной вседозволенности ретивой обслуги под крылышком власти. Не дело тех, кто ищет истину, орать, чтоб ударили сильнее, ибо не свои они. Отричем самонадеянность силы и неприязнь к неправильным черепам.

Даже если истина рождается в спорах, осознание приходит в тишине. Шанс тишины на линии соприкосновения – знак нового в ситуации пяти лет противоборства. «Час переговоров – опасный час», – писал враг нетерпимости Монтень в век религиозных войн. Опасность не одна. Час неправильного выбора... Час забвения добра и правды... Час возможного предательства самих себя...

Философская общественность Русского мира существует на просторах Евразии как номинальная общность тех, кого история, теория и практика привели или приведут от специальных знаний к поиску универсальной истины о мире в целом. Это не одни только профессионалы, как и Русский мир не одни только русские и русскоязычные. Преодоление некорректного использования понятия Русский мир – необходимость, ибо распространение расхожих стереотипов сужает круг сторонников мира и множит раздоры, как и непонимание того, что и украинское сообщество – часть Русского мира, а Русский мир – часть украинского сообщества. И оба этих мира не только многонациональны и многоязыки, но иполиконфессиональны. Не в силе и славе Государства Российского, не в самостоятельности «незалежных» осколков великой страны суть русского мира.

То, что мы скажем, от невежества ли, в запальчивости ли, от избытка ли переживаний, либо от прямолинейного, но не лукавого, поспешного или доса-

дно медлительного ума, от полного или частичного отсутствия здравомыслия, от стремления к опережению длинного ряда лет, ибо хотим видеть мир из будущего, – не является суммой категорических утверждений ради собственной правоты, но лишь приглашением собрать интеллектуальные силы для их сосредоточения на перспективе диалога внутри самого Русского мира между его частями, что принадлежат по самобытности Европе и Евразии одновременно.

Возможно, что все предложения никуда не годятся, так что ж, они могут быть высказаны и учтены. Отрицательный результат иногда не только необходим, но даже неизбежен. Мы просим в самом начале не откликаться носителям абсолютной истины в последней инстанции. На Философском монтеневском обществе принято давать роль ведущего тем, кто не знает абсолютной истины, читал Монтеня и хотя бы дважды обнажал свои мысли в выступлениях, а не в репликах с места, мол, знаем мы болтунов скептиков («Монтень – болтун», – говорил творец ряженого Заратустры, которого нет в «Авесте» иранских народов, зато вещание сверхчеловеков попирает мир как ценность, что вдохновляет сторонников утвердить свою правоту любой ценой).

Наш первый тезис – Украина и Россия есть одно и иное в третьем, к которому принадлежит многое другое, что связано с Русским миром. Тем не менее, Русский мир не есть православие как таковое, язык великий и могучий как исключение, империя как образец поклонения и тем паче подражания. Русский мир нельзя путать с панславизмом, который основал хорват – католик Юрий Крижанич. Русский мир – это не геополитика и не филология, не идеология или утопия. И уж тем более не национальная идея. Национализм чужд Русскому миру изначально многонациональной страны. Русский национализм не исключение. Может быть это особая цивилизация? Но цивилизация

шире, она евразийская, что было обосновано еще в 20-е годы П. Савицким, Л. Карсавиным и другими. Русский мир – это и не новоевразийство Александра Дугина. Так что же он такое, Русский мир?

Наш второй тезис – культурное сообщество есть культурный ареал в том смысле, в котором еще в 60-е годы ЮНЕСКО определяла структуру современного культурного пространства как суммы локусов, не сводимых друг к другу или духовному первоисточнику. Родство, которому устанавливаться горизонтально связей и отношений между народами, общностями и людьми, ибо культурой нельзя овладеть как властью, техникой или навыками убивать. К культуре можно только приобщиться. Приобщение к Русскому миру славянских и неславянских народов уже произошло. Разобщение, начатое переворотом 1991 г. в Союзе и продолженное переворотом в Киеве в 2014 г., а также и многими другими событиями, есть преступление против человека, социума и Будущего евразийских народов.

Наконец, третий и последний тезис, вокруг которого построен наш призыв к философской общественности: возвращение Украины в братскую семью евразийских народов, в СНГ, в сообщество равных по праву, а равно и соблюдение этого права участниками сообщества.

Приобщение к культурному пространству не частный случай приобщения Русского мира ввиду нерасторжимости связей по горизонтали не только необходимо, но и неизбежно. Отказ от европейского выбора Украины на данном этапе и есть заживление разрубленных частей этого мира, живая и мертвая вода, альфа и омега выхода из ситуации, в которую загнали те, кто задался целью уничтожить самобытность ради фальшивой идентичности с другими. Никто не докажет, что украинцам поляки или немцы ближе, чем русские и белорусы, если только мы признаем общность Русского мира, а не первичность юридических

начал над историческими обязательствами народов вне отношения их властей на данный момент. Мыслящий украинец, белорус или русский не может не быть в этом пространстве. Ибо тогда он превращается в заурядного носителя моно-дисциплины цивилизации в ее самом варварском отсечении всего ради тупиков частной собственности, элитарной власти и единственно правильной веры. Эти киты еще долго будут плавать, но Русский мир уже открыл шлюзы для новых вод, что придут в новые берега Будущего мира.

Одной из схоллий толкования третьего тезиса должно стать приобщение посредством сосредоточения интеллектуальных сил и усилий на доказательствах того, что отказ от европейского выбора не будет катастрофой ни для одного из евразийских народов. Ибо даже формально никто их не отлучал от европейского правового пространства (Заключительный Акт Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки подразумевает ту самую Европу, что от Лиссабона до Владивостока, жаль, что об этом забывают в дискуссиях). Но и формула Максима Литвинова «Мир неделим» возвращает к идее коллективной безопасности, которую, увы, не реализуют ни НАТО, ни ОДКБ. Тут есть перспектива построения мира, если не ненасильственного, то надежно огражденного от лобовых выяснений отношений саблями, а не черепами.

Сохранению Русского мира внутри Украины и Украины внутри Русского мира мешают две старые болезни обеих этнокультурных сообществ, которые языком идеологии иначе как комплексом превосходства/неполноценности не назовешь. Но не будем тянуть шлейф расхожих стереотипов за хвост черной кошки. Трудно не попасть под влияние кошмаров ушедших поколений. Имперской болезни с ее высокомерием обижающих соответствует неполноценное самостийничество обиженных. Надо полагать, не мамой и папой установленных и наследуемых, а истори-

ей. Оба комплекса, к сожалению, возродились и крепнут.

Не надо ходить далеко: в родном Луганске есть сторонники того, что империя – это хорошо, а украинцев как отдельного народа нет. Не хочется трогать гостей республики, что высказали мнение: если поскрести украинца, то он окажется русским. Не надо полагать, что все империи были плохими, а Российская – хорошей. Равно как и отрицать наличие этнических различий. Лучше подчеркнуть общее и не давать поводов для обвинений в великодержавном шовинизме. Потому критику надо начинать с самокритики нашей стороны, дабы в запальчивости не сменить одно вранье другим. На всякого рода публичных мероприятиях стало общим местом подчеркивание, что имперское наследство наше православное, державное, нам достаточное; что все империи – плохие, а наша особенная и добра от нее было столько, что куда там англичанам и тем более янки; что «никакой тюрьмы народов не было – это все большевики придумали»; что «мы – один народ», «нас искусственно разделили», что украинец – тот же русский, только с диалектом, что мы несем прогресс и «просперити» с тех времен, когда слов таких никто не ведал и лаптями щи еще не хлебали.

И вся эта дичь звучит не из уст простых людей, хотя и от них тоже много любопытных идей на счет нашего нынешнего разделения исходит («сами разделились, а теперь выясняют, чье рыло в чужое корыто смотрит», а это еще мягкий вариант), но от властителей дум электронного разлива, а потому в миллионы голов сразу. И вот чья-то бесшабашная импровизация, рожденная не в муках, а в кураже публичного свечения юпитеров или в обстановке испуга проникает в сознание миллионов под предлогом мнения экспертов. Как тут не вспомнить педагогическую мудрость: нет лучшего эксперта в деле успеваемости, чем двоечник. Иногда маститые выглядят не как те, кто перерос

свои двойки, но как вечные недоросли, принципиально отказавшие образованию как ценности саморастущей, уверовав в силу дипломов. Как говорится: два – три высших образования, правда, без среднего – в школе плохо учились...

Среди предложений другой стороне: менее всего хотим свалить все на их голову. Украинство заблудилось, но, по-видимому, сделало это сознательно. Вожди и пастыри не хотят в прошлое. Они тянут в него самими способами вождества и пастырства. Самомнение от элитарности, этого комплекса комплексов правящих групп. Самостийность тащит себя за волосы вверх с вдохновением Мюнхгаузена, однако враль был добр. Делается все, чтобы разделение осталось навсегда. Сдается, что правящие элиты делают все, чтобы Украина и Россия никогда больше не соединились. Видимо пугает их призрак коммунизма. Не случайно третий патриарх коммунизма говорил, и это в публичных местах висело на стенах: только в союзе со советской Россией свободная Украина возможна, без союза с советской Россией свободная Украина невозможна. Единение народов было разрушено именно этими элитами. Наследники ренегатов КПСС и мародеров приватизации – номенклатура и нувориши – в обеих странах далеко не эволюционировали от своих корней.

Трудно говорить о наболевшем. Русский человек ждет антифашистского пробуждения на Украине. Тот же город-герой Киев имеет рабочий класс, русское и многонациональное сообщество тех, кому крайности мешают жить, советских патриотов из числа украинцев, левые партии, независимые профсоюзы, пенсионеров и молодых левых активистов в достаточном количестве, чтобы сформировать единый фронт... Почему эти люди не восстали и не запросили о помощи, в запальчивости, о которой предупреждали?

Скажем больше, в порядке пожелания: а может быть, стоило бы на время чистки страны перенести

столицу в тихий, добрый и прекрасный Переяславль? Ближе к народу и его истории, дальше от шабаша ведьм на Лысой горе киевской. Где-то читал, что там, в славном городе, где свершилось величайшее деяние украинской истории, определившее судьбу народа, одних музеев 47 или около того. И построить там здание новой Верховной Рады, где-нибудь между музеями Переяславской Рады и Шолом-Алейхема, кои бы напоминали депутатам две простые истины: Переяславская Рада воссоединила нас не на 300 лет и не на 350, а на вечные времена (кстати, и Крым передавали Украине в ознаменование вечного союза Хмельницкого, а не ради «зрадника», «увековеченного» на купюрах – Мазепы), а убожество национальной исключительности и превосходства арийцев вело великого еврейского писателя за океан не случайным образом, а тем путем, каким идут жертвы этих ненавистных комплексов.

Разве воскрешение погромов – это путь украинца? Вот и напоминание: стыдитесь, панове, погромщиков, неважно, как их зовут, Коновалец, Бандера, Шухевич или Тягнибок, Ярош или Ляшко. Разве можно позволить остаться этим людям среди живых в наших городах и среди мертвых на наших некрополях? Камни вопиют!

Горит земля и под киевлянами, что их терпят. А ведь Киев был прекрасным городом. Ведь были в нем антифашистские и антинационалистические силы, силы сопротивления. Молодое наивное поколение мечтателей о новой Украине, славный боевыми и трудовыми традициями рабочий класс, прогрессивные организации, левые партии, русскоязычное большинство, украинские патриоты советского и народного склада, передовая интеллигенция, творческие сообщества, гуманистически ориентированная философская общественность. Где они? Едва слышны отдельные голоса, за ором толпы, ревушем о сале, Европе и Бандере!

Мы предлагаем Украине и украинцам – вы не ослышались – именно это мы и предлагаем: откажись от европейского выбора, откажись от своих национально озабоченных особей – отрежь руку, что тебя соблазнила, выброси ее, живи с той, что останется, ибо здесь и сейчас время Тараса Бульбы – предай сына Андрея заслуженной каре – и вновь возродишься в братском союзе евразийских народов, ибо не только европеец, но и евразиец – ты. Не мразь обслуги иностранных хозяев, но свободный и вольный человек. А разве не забытая украинская идея: жить вольными людьми на вольных землях без царя, пана и чиновника вдохновляла тех, кто выдвигал идею Русского мира? Разве не об этом мечтал Мыкола Костомаров в дни Кирилло-Мефодьевского братства? Разве не сошлись украинская мечта о воле и идея Русского мира в дни Октября и не дали новую Россию и новую Украину в том самом великом союзе, что был поруган, предан и убит в несчастном 1991-м! Отриньте Европу, еще не время. Только в новой Европе будущего без антагонизмов можно будет найти место. В Европу, панове, не в калашный ряд со свиным-то рылом, не служанкой Дунькой («Пустите Дуньку в Европу?» – помните) на заработках, а равновеликой частью евразийского пространства можем мы войти.

Вспомните, что Русский мир – идея Костомарова не про самодержавие, православие и народность, но идея единения народов на основе общих корней жизненного культурного ареала. А если уж мы – один народ, то с советского времени начался новый этап единения, порушенный шовинистами и националистами, эволюционирующими к империализму и фашизму. И не надо модных теорий вроде Антонио Негри и Майкла Хардта, мол, в мире строится одна Империя без империализма и это-де хорошо! В мире много империй, и без империализма их не бывает. Вспомним, что украинский национализм прошел полный цикл.

Национализм – это незрелый фашизм, а фашизм – перезрелый национализм. И вот уже они эволюционировали от сепаратного самостийничества в рамках империй прошлого к еврофашизму с урезанным суверенитетом. Панове, разве не вы выступали за национальное самоопределение, а теперь пред опасностью воссоединения с Россией – готовы отказаться от суверенитета в ключевых пунктах? Бывает ли прогрессивный национализм? Не будем лукавить, да, бывает, но это не украинский случай! Прекратите демагогию о русских колонизаторах. Не прикидывайтесь аборигенами, вспомните, что русские люди были до того, как оформились три ветви славянства, а потому русские для Украины – такой же коренной народ!

Не только хорошие люди иногда подают здравые мысли. Итальянский мафиози Берлускони как-то сказал, что Европа не будет полной без России, Турции и Израиля. В этой мысли есть много составляющих, но для восточнославянских народов идти нужно не в ЕС и НАТО, а в ЕвразЭС и новую коллективную безопасность (вспомним формулу Литвинова «Мир неделим»). И пусть страны Европы вступят в наше объединение, а Россия, Украина и Беларусь в европейское будущее, но не по одному, а вместе. Скажите европейцам: да, мы за то, чтобы быть с вами, но только без разрыва с братьями. Если не готовы вы принять Украину вместе с Россией и Беларусью, то подождите, созрейте сами, созреем и мы.

Крым – тема больная, реакция России и русских была во многом эмоционально окрашенной, бурной и против банального здравого смысла, а может, и против международного права. Но есть исторические права народов, оплаченные кровью. И повинившись друг перед другом, мы может открыть двери в совместное будущее. Будет ли Крым украинским? Я бы не исключил, – слышу свист и улюлюканье, – что возможно возвращение Крыма в рамках союзного государства в управление украинской советской республики в отда-

ленном будущем. Восстановление Советской власти, сохранение прав русскоязычного населения края и оставление в Севастополе русского военного флота навсегда могли бы стать достаточным основанием для того, чтобы оба народа считали Крым своим без различия формальной юрисдикции. Панове, зачем вам Крым, если за более чем 20 лет вы ничего для него не сделали? Сейчас все необходимое, а может, и больше того, в ущерб старым и верным регионам, делает для Крыма Россия, но и украинские граждане нарастающими волнами отдыхающих добавляют богатства краю и себе здоровья. Крым для всех, а вы санкциями давите тех, кто к вам стремится.

Все это Русский мир, и проблемы его – общие.

Сохранение Русского мира – это прежде всего возвращение мира в его буквальном значении: прекращение состояния войны, ничего самого насущного за 5 лет так и не было сделано. Русский мир ждет таинства примирения. Произойдет ли оно? Без взаимных уступок, без отказа от амбиций, без нравственно приемлемых, а не юридически дошлых оснований, мира не будет.

Главное сейчас – изолировать партию войны, националистов, евро-и просто бешеных, олигархов, криминал, торгашей, информационных кликуш, назойливых посредников и доброхотов из числа тех, кто спит и видит наяву и во сне натовские базы у границ братской России,

Русский мир не воюет с Русским миром, народы и страны не воюют друг с другом. Гражданская война – изначально внутриукраинский конфликт, вызвавший злую радость у всех врагов России, которых нельзя всерьез принимать за друзей украинского народа.

Философской общественности следует протянуть пальмовую ветвь мира, но не верить в скорый исход. Реалистично сейчас только одно: прекратить стрелять и начать всеобъемлющий диалог по всем вопросам. Сколько он продлится? Год, два, три, десять, двадцать,

тридцать лет? Чем он завершится? Самоликвидацией республик на приемлемых условиях, вхождением в РФ или обретением независимости на дальнейшее формирование общности Донбасса – заранее сказать нельзя.

Пусть будет диалог, пусть пребудет сообщество договаривающихся в состоянии мира и развития, свободы от давления извне и при сохранении достоинств личных, национальных, гражданских, общечеловеческих. Или правда не на поле боя, но тогда, панове, берегитесь. Свои бьют больнее, чем чужие. Одумайтесь, хотя бы из шкурных соображений, дольше протянете у власти. Ваше время прошло, время Русского мира приближает новые горизонты мира, дружбы, сотрудничества, кооперации, братства.

Сколько бы ни идти к этому, а другой перспективы нет. Вместе в Русском мире, не врозь чужими задворками (Европе ведь все равно: одной Румынией меньше, одной больше, только не говорите, что вы потомки римлян или альфа-нация, дабы не приняли за еще одного попрошайку из цыганского табора балканских соседей...).

Уйдя из чуждого пространства притяжения – ЕС, НАТО, МВФ – несбыточной мечты возрождения на кредитах и пролонгациях марионеточной зависимости, вернувшись в СНГ, вступив в ЕврАзЭС, в другие общие структуры братских сообществ, Украина вновь обретет себя, подлинных друзей и союзников, товарищей и братьев по совместной борьбе за лучшее общество. Оно не появится сразу, но в дальнейшем опережающее отражение философией социально-исторической практики позволяет увидеть, что оно не будет ни периферией капитализма, ни имперским барством российского чиновника, напроочь не знающего родной истории, такой простой вещи, что Россия стала Республикой еще 1 сентября 1917 года, что республика – это общее дело.

Кстати, отсутствие общего дела и его перспективы и породило раскол настоящий Украины. Совместными усилиями народов созвездие республик одолеет то, что нельзя одолеть в одиночку. Да, российский империализм, как было открыто еще в годы первой мировой войны, является военно-феодалным по своему характеру. Но есть случаи, когда использование империалистического потенциала может быть оправдано. Именно такой случай представился с киевским переворотом, когда фашистская хунта узурпатора Турчинова и сменившее незаконным одним туром и другими попраниями конституции нелегитимное профашистское руководство администрации Порошенко создали уникальное сочетание факторов противодействия! Использовал ведь Советский Союз империалистических союзников против Гитлера, а разве можно осуждать помощь народным республикам РФ – далеко не идеального, полудемократического государства (сошлемся на юриста В. Е. Чиркина, обосновавшего тезис о полудемократичности РФ еще в 2000 году) в деле спасения населения от геноцида неправовой власти узурпаторов народной воли. «Умные» нацисты использовали беды народа и официальные механизмы прихода к власти в 1933 году.

Безумные не хотели ждать выборов и риска, а просто пошли на присвоение прерогатив народа. Ныне ситуация не безнадежна, хотя может оказаться эффектом дежавю. Вспомним пресловутую оранжевую аферу. Ющенко являл унылого говоруна, который терял шансы на перемены и превратился в карикатуру на демократию. Унылый говорун был банкиром с чистыми руками, которые он показывал публике, и пасечником – любителем, собиравшим мед, который тек по усам, но в рот не тот попал. Новая фигура популиста Зеленского не безнадежна. Худший вариант – превращение в веселого говоруна при сохранении приоритетов предшествующего пе-

риода. Но загадывать и опережать на краткий пятилетний период еще рано.

Исчерпание европейской парадигмы может обернуться ее перезагрузкой, что растянет поиски пути на долгие годы.

Нет выхода в нравственно приемлемое, исторически мотивированное, открывающее перспективу в будущее для украинского народа.

Сконцентрируем интеллектуальные силы на формулировке альтернативного пути двух сообществ навстречу друг другу, восстановлению горизонтальных связей ради сокрушения чуждой надстройки и обновления базиса. Мир и развитие требуют кардинального пересмотра парадигм современного строя. Пока история не вынесла окончательного приговора национально озабоченным, следует работать над тем, чтобы свернуть шею кукушкам, подложившим своих птенчиков в не свои гнезда. Уход из-под влияния западников – либералов в их странном и чудовищном альянсе с национально озабоченными под эгидой заокеанского дяди Сэма – лишь самый первый шаг. Не следует бояться самоизоляции Украины, ибо она не нужна ни Европе, ни России. Ставка на изживание сил также требует силы. Обсудим пути изоляции противников Русского мира, активизируем его потенциал в самом украинском гражданском обществе и этнокультурном сообществе. От человека к человеку, от общности к общности, от народа к народу горизонтальные связи окрепнут и вертикаль не выдержит, она рухнет на улицу, и тогда народная инициатива учредит другую республику, республику, построенную снизу посредством делегирования прав местных советов от территориальных громад – центральным органам народной власти. Народные советы Донецка и Луганска, конечно, очень несовершенны, их практика ограничена, но при сосредоточении на новых, привходящих со временем мотивах народовластия,

самоуправления и низового контроля можно постепенно освобождаться от засилья чиновника, олигарха, ультраправого активиста. А заодно установить народное правосудие, при котором произойдет сокращение поголовья преступников и вредных посредников во всех областях жизни.

Старт, однако, может быть дан уходом в поиск скорейшего решения проблемы мира в стране. Гражданские войны не всегда заканчиваются победой народа. Потому опасный час наступил. Серия ошибок руководства или бездействие населения рискуют вернуть ситуацию к исходному состоянию.

Одной из главных задач пресловутых «оранжевой революции» и «революции достоинства» как раз и была идея дискредитации революционного перехода в новое состояние общества. В случае поражения массы сказали бы: не следовало браться за оружие. В случае победы – это совсем не то, что мы о революции представляли. Страх перед революционными переменами ни в чем так не сказался, как в том, что правящие круги обеих стран проигнорировали столетие Октября. Отдалить второй Октябрь – их постоянная забота.

Наша забота, забота философской общественности – искать истину собирания сил вокруг Русского мира и его культуры, в том числе – культуры мира и развития.

Кольшется русское поле... Внемли, Русский мир!

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК БАРОЧНЫЙ ФЕНОМЕН

XVII век был переломным веком русской истории. Большинство исследователей, которые занимаются теорией и историей культуры России, полагают, что именно в этот период в русской культуре начались те изменения, которые привели к ситуации настоящего времени. Архаичная культура с преобладанием религиозной сферы сменилась секулярной культурой, в которой стали возможны капитализм, постмодерн и разнообразие культурных форм в разных сферах. Особенно остро в XVII веке стоял вопрос о поиске нового государственного устройства России.

Россия до XVII века была автократическим государством, царская власть в котором принадлежала одному роду, а государственное устройство основывалось на принципах общей самодостаточной культуры, сформированной на религиозной основе. Рассмотрим два компонента, играющих большую роль в русской государственности Древней Руси – династический и религиозный.

Среди христианских государств Россия является уникальной по длительности существования правящей династии. Единый род Рюриковичей владел Русью, а потом Россией на протяжении более чем семи веков – с девятого по конец шестнадцатого века. Различие бросается в глаза при сравнении с Византией, где родовой принцип передачи власти так и не смог возобладать, и династии ромейских императоров больше трех-пяти правителей подряд можно пересчитать по пальцам. Самую длинную династическую историю имеют Палеологи, которые правили империей около двухсот лет. В европейских королевствах случа-

лись более длительные периоды правления единой династии, однако и здесь никогда одна семья не владела всей страной, а вынуждена была делить власть с другими семьями. В России же правители были фактически из одной семьи в течение нескольких столетий. Это было проявлением культурных особенностей, которые с уничтожением династии были потрясены до самых оснований.

Представление о том, что роду Рюриковичей сам Бог дал в управление Русскую землю, озвучивалось в древнерусской литературе неоднократно. Неотъемлемое право владеть Россией озвучивал Иван Великий в переписке с венским двором, мотивируя свой отказ принять титул от австрийского императора, уже в XV веке. Иван Грозный, его внук, имел семерых жен и нескольких сыновей, и даже думать не мог, что оставит страну без наследника, однако случилось именно так. Сын Ивана Грозного Федор умер, не оставив наследника мужского пола, и согласно всеобщим верованиям Руси, законная царская власть в стране умерла вместе с ним.

Начало XVII века ознаменовалось Смутой, когда после смерти всенародно и законно избранного царя Бориса Годунова появился Дмитрий Самозванец, на сторону которого переходили армии и города – потому что сын Ивана Грозного имел сакральную легитимацию своей власти, которой не имел царь Борис, избранный лучшими людьми и патриархом. Почти десять лет в России появлялись самозванцы, за которыми шли люди, которые не прекращали войну. День народного единства, который мы отмечаем 4 ноября, установлен в память о том, как поляков выгнали из Москвы в 1612 году, однако сами россияне и пригласили их в Москву, полагая, что законный, хоть и чужой царь, лучше своего незаконного.

Наконец Смута окончилась воцарением в 1613 году Михаила Романова, который был в родстве с Рюриковичами по матери, и с современной точки зрения,

был того же рода. Однако не так было для русских людей того времени. Самозванцы продолжали появляться еще более ста лет, и последней яркой звездой в этом ряду был Емельян Пугачев в конце XVIII века.

Помимо династической проблемы возникла проблема и религиозная. В прошлом году я делала доклад на тему маргинализации эсхатологических ожиданий в русской культуре, которая имела место как раз в XVII веке. Напомню вкратце основные моменты.

Эсхатологические ожидания – ожидания конца света, были очень сильны в христианстве с самого его начала. Русь усвоила у Византии христианство, в котором эсхатологические ожидания играли видную роль. Само крещение Руси воспринималось как признак конца света, потому что в Библии сказано, что перед концом света покрестятся все народы, даже народ «князя Рос». Особенно актуальны были ожидания конца света в XV веке, а 1492 год считался в восточном христианстве просто-таки точной датой, относительно которой можно отсчитывать оставшееся время жизни мира. Надо отметить, что эти ожидания были распространены не только и не столько в низовой народной культуре, их придерживались и государственные власти, и церковные. Однако конец света не наступил ни в 1492 году, ни позже. Последняя дата, когда народ, церковь и царь ждали конца света – 1666 год. После этого тема маргинализируется, уходит из официального дискурса, остается только у раскольников и сектантов, а на государственном уровне вырабатывается новая стратегия государственного управления – жить без постоянной сверки с религиозным авторитетом. Начинается секуляризация общественной и государственной жизни, что не могло произойти без потрясений.

Итак, русская культура XVII-го века должна была найти новый принцип легитимации царской власти и существования государства. Решать этот вопрос выпало Петру Первому.

В XVII-м веке в Европе наступает Новое время, когда не просто зарождаются, а уже действуют сформированные социокультурные практики модерна, которые составят главное направление развития европейской культуры вплоть до наших дней. В это время Европа активно колонизирует мир, вынуждая народы планеты к межкультурной коммуникации, в которой как предмет коммуникации предлагается европейская культура Нового времени.

Россия в этот период тоже оказывается вовлечена в активную межкультурную коммуникацию с Европой. Хотя связи с европейскими культурами никогда не прерывались и существовали даже в сравнительно закрытом Московском царстве, в конце XVII-го века межкультурная коммуникация России и Европы меняет свой характер: начинается первый в российской истории диалог культур с Европой.

Диалог культур – это механизм межкультурного взаимодействия, разработанный Ю. М. Лотманом. Структурно диалог культур состоит из трех фаз:

1) активное усвоение инокультурного материала, отторжение и уничтожение своего, полное принятие топографии инокультурного пространства (центр – чужая культура, периферия – своя культура) и стремление научиться говорить на чуждом языке, в прямом и переносном смысле;

2) чужой язык усвоен и на нем создаются культурные продукты, в то же время культурное пространство инвертируется, периферия и центр меняются местами, своя культура выходит на первый план, а чужая, прежний источник идей, принижается и отвергается;

3) создание собственного культурного материала и его трансляция в инокультурное окружение.

Эпоха Петра Первого в культурном отношении представляет собой первую фазу диалога культур с Европой. В этот период все старое, русское, свое отвергается, а новое, инокультурное, европейское активно усваивается. Таким образом, в ходе диалога культур в

период петровских реформ усваивается европейская культура барокко, которая возникла в XVII-м веке.

Ключевая проблема барокко как стиля, сформировавшего разные сферы социокультуры Европы Нового времени, заключается в поисках равновесия между двумя обособившимися сферами жизни и культуры – материальным и духовным. Начало эпохи барокко отмечено фигурой французского философа Декарта (Картезия), который в своей философии впервые обосновал принципиальный дуализм всех внутримировых объектов, разделив вещи на те, которые имеют протяженность (*res extensa*), и те, которые могут мыслить (*res cogitans*). У протяженных и мыслящих вещей нет никаких общих свойств, они без остатка делят мир на материальную и духовную сферу, пересечение которых пусто. В картезианской философии, которая стала парадигмой европейской философии вплоть до XX века, вещи разного рода не могут взаимодействовать между собой, не могут никаким способом влиять друг на друга. Таким образом, в философии Декарта впервые со всей остротой ставится проблема взаимодействия материального и духовного как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества в целом.

Разные эпохи европейской культуры предлагали разное решение этого основного вопроса. Декарт отождествил духовное с рациональным, и благодаря его усилиям, а также достижениям его последователей XVIII век европейской истории стал Веком разума – дуализм был решен в пользу рационального. В философии эпохи Просвещения все иррациональное, материальное, физическое подчиняется законам природы, которые рациональны и как таковые доступны познанию человека. Первая часть дуального соотношения (*res extensa*) полностью подчиняется второй, рациональной.

Эпоха Разума господствовала в европейской культуре вплоть до XX-го столетия, когда маятник качнулся

в другую сторону. Две мировые войны показали, что в европейской культуре сильно иррациональное начало, которое больше нельзя игнорировать. Возникают концепции неклассической и постнеклассической рациональности, Новое время в европейской культуре заканчивается и появляется постмодерн. Культура постмодерна проблематизирует разум, реабилитирует иррациональное и телесное.

Однако был в европейской культуре период хрупкого равновесия между сферами материального и духовного, когда они бурно развивались, но в то же время каким-то образом находились в гармонии. Этот период – эпоха барокко.

Все продукты некоторой культуры представляют собой системное единство, так как их производство и функционирование в обществе регулируется единой системой принципов. Эта система принципов воплощается в образной или символической форме. Символом эпохи барокко Ж. Делёз считает складку.

В своей работе «Складка. Лейбниц и барокко» Делёз обосновывает единство разных сфер барочной культуры Европы и формирование их согласно парадигме складки. Складка состоит из двух частей, которые хоть и разделены, но на самом деле связаны между собой и составляют единство. Один из главных принципов барочной культуры – разделять создаваемый объект на две сферы, каждая из которых выглядит максимально независимо от другой, но в то же время обе подчиняются единому принципу. Любой продукт барочной культуры реализует максимальное разделение сфер наряду с максимальным их сближением, когда сближение превращается фактически в тождество. Делёз прослеживает действие этого принципа в барочном искусстве, архитектуре, манерах, музыке, математике, физике, и показывает, что философское обоснование всего стиля барокко дал Лейбниц.

В барочном изобразительном искусстве складка – самый любимый образ эпохи, который встречается

как в живописи, так и в скульптуре. Барочное изобразительное искусство Делёз анализирует на примере творчества Тинторетто и Эль Греко, Кристиана, Бернини и Гужона. Персонажи картин и скульптурные группы, предметы мира, изображенные в произведении барокко, делятся на две группы, принадлежат двум разным сферам – телесному и духовному, природному и разумному, земному и небесному. Эти сферы резко разделены, и каждая доводится до своей полной реализации – земное и физическое уходит корнями в глубь материального, а небесное и духовное воспаряет ввысь, полностью отрываясь от земли. Тем не менее в своей законченности и оторванности друг от друга обе эти сферы представляют собой один и тот же мир, они не просто родственны и связаны, они нераздельно выражают одно и то же.

Архитектура барокко реализует принцип складки, создавая здания с резко отделенным интерьером и экстерьером. Внешний фасад нужен для приемов, жизни вовне, интерьер же для уединенного действия. Как замечает швейцарский исследователь эпохи барокко Жан Руссе, барочный фасад не прилаживается к интерьеру, внешняя и внутренняя часть здания выглядят полностью независимыми друг от друга, однако представляют собой одно целое.

Барокко также любит этажи – как мир делится на две сферы, так и в архитектуре здания основная идея выражается в виде двух этажей. Нижний этаж массивен и материален, расширяется складками, умножается и удлиняется. Второй этаж – для внутренней жизни, тут располагаются покои и кабинет, никак не связанные с экстерьером. Материя-фасад уходит вниз, а душа-комната поднимается вверх, между ними проходит складка, которая их разделяет и соединяет.

Поскольку материальное, при всей своей тяжеловесности, составляет один мир с духовным, у этих сфер находятся общие закономерности. Этим объясняется интерес эпохи к природе, а также к параллелям

между живым и неживым. Формы сознательной жизни, человеческого тела, человеческого поведения, человек барокко находит в природе, в материальном мире, но также и в мире искусственно созданных предметов. Мастера барокко создают часы, музыкальные шкатулки, шахматные автоматы и другие артефакты, которые дублируют природные явления и воссоздают человека, потому что закономерности их формирования и действия одинаковы. Природное и духовное соединяются в единое целое как складка.

Музыка барокко также следует парадигме складки – максимального разделения двух сфер при их гармоническом соединении. Музыка после Ренессанса реализует одновременно и интеллектуальную любовь, и чувственную вибрацию, в горизонтальном плане состоит из независимых друг от друга мелодий, которые соединяются вертикальными аккордами в контрапункте. Характерная черта барочной музыки – именно извлечение гармонии из мелодии. Максимальная реализация двух сфер в рамках единой формы представляет собой складку, что и делает контрапунктическую музыку вершиной барочного искусства и даже, как заметил О. Шпенглер, центром фаустовской группы искусств, которые реализуют идеал чистой пространственной бесконечности.

В XVII-м веке, в эпоху барокко, зарождается европейская рациональная наука, когда отказ от герметической магии порождает поворот к рационализму (подробный анализ процесса дан у Ф. Йейтс). Принципиальным образом меняются физика и математика, что в конце концов привело к научно-технической революции в середине XX века. Поскольку Лейбниц внес решающий вклад в развитие обеих дисциплин, вкратце рассмотрим парадигму складки в физике и математике, как ее понимал Лейбниц.

Развитие физики до Нового времени предопределялось идеями Аристотеля. По Аристотелю весь мир конструируется парой материя-форма, которую мож-

но различить в любой вещи и любом явлении. Мир Аристотеля принципиально статичен – более высокий онтологический статус у неизменных форм, чем у изменяющихся материальных вещей. В физике барокко пара материя-форма меняется на пару материя-сила. Сила проявляется в действии, и динамичное изменение в физике Нового времени получает тот высокий онтологический статус, который ранее имела неподвижная форма.

Лейбниц неоднократно обращается к теории силы как действия и основы мироздания вместо формы как в многочисленных письмах разным ученым своего времени, так и в трактатах. Например, в «Теодицее» Лейбниц пишет: «Действие пребывающее или продолжающееся есть не что иное, как субстанциальная или акцидентальная форма; субстанциальная форма (как, например, душа) есть совершенно пребывающая, по крайней мере по моему мнению, а акцидентальная есть только временно продолжающаяся». Итак, сила, то есть действие, в философии Лейбница приходит на смену форме.

Для Лейбница не существует разделения на живую и неживую природу, изначальные силы физического и духовного для него – это всегда силы души. Картезианский дуализм мира осмысливается Лейбницем следующим образом: материальное во всех внутримировых предметах представлено материей, а духовное – силой, причем это верно и для объектов неживой природы в современной терминологии. Именно таким образом в физике Лейбниц реализует парадигму складки – разделенности и единства сущего.

Философские идеи Лейбница повлияли не только на его физические теории, но и на его математику. В математике Лейбниц пришел к открытию дифференциального исчисления не с той стороны, что и Ньютон: если Ньютон механицизировал природу, Лейбниц ее одушевлял. В учении Лейбница его высшая математика применяется к материальному только по по-

добию, она основана на взаимной обусловленности телесного и душевного, и со всяким действием неразрывно связана какая-то сила, то есть, по Лейбницу, душа. Хотя материальное и духовное строго различны, тут Лейбниц разделяет идеи Декарта, в то же время материальное и духовное представляют собой один и тот же мир, реализуя идею складки.

В своей математике Лейбниц прямо использует термин складка, по-латыни инфлексия. Для Лейбница инфлексией является любая точка. В геометрии со времен Эвклида точка не имеет длины и ширины, однако представляется при рассуждениях как маленький кружок исчезающего радиуса. Лейбниц критикует такое понятие точки у Декарта и других современных ему математиков, и предлагает понимать точку как инфлексию, не миниатюрный круг, а миниатюрный касп. Такая гибкая точка динамична сама по себе, составленным из таких точек прямым и фигурам изначально присуща сила, действие, а значит душа. Используя парадигму складки, Лейбниц гармонично объединяет обе сферы, духовное и материальное.

Гармония является центральной категорией философии Лейбница. Идея предустановленной гармонии – несомненный вклад Лейбница в философию. Предустановленная гармония соединяет две сферы сущего, которые разделены в концепции Декарта. Лейбниц принимает исходную посылку картезианского дуализма: вещи протяженные и вещи мыслящие никак не могут взаимодействовать между собой. Протяженные вещи подчиняются законам природы, а мыслящие вещи мыслят по закону свободы. Чувства, переживания, перцепции, рассуждения совершенно независимы от сферы материального. В таком случае почему же в тот момент, когда я хочу взять стакан воды, моя рука берет стакан? Желание относится к сфере мысленного, рука с ее мышцами и костями полностью принадлежит к сфере физического. Лейбниц отвечает: эти две сферы были приведены в гармонию Господом

от начала бытия. Еще до того, как Адам сорвал яблоко с древа познания, Господь знал, что в такой-то момент вы совершенно свободно и без принуждения захотите взять стакан воды, и он устроил мир таким образом, что вся цепь природных явлений привела к движению вашей руки именно в этот момент. Таким образом, предустановленная гармония Лейбница тоже следует парадигме складки – две сферы развиваются абсолютно различно, каждая по своим законам, но в результате образуют гармоническое единство, оказываются одним и тем же миром.

В конце жизни Лейбниц пишет «Монадологию», работу, в которой он развивает и окончательно формулирует свои идеи по этому поводу. Философия Лейбница приводит его к тому, что духовное и физическое едины – материя пронизана силами, силы изначально духовны. Однако едины эти сферы не как две субстанции, а как монады – отдельные предметы.

Каждая внутримировая вещь представляет собой монаду, с более или менее ясным сознанием и перцепцией. Взаимодействие между монадами невозможно, монады не влияют друг на друга. То, что мы считаем их взаимодействием, на самом деле результат предустановленной гармонии. В пределе Лейбница можно понять следующим образом: полено раскалывается не потому, что его ударили топором, а потому что изначально в его структуру была заложена программа расколоться именно в этот момент. Тем не менее концепция предустановленной гармонии Лейбница логична, продуктивна, и самое главное – выражает дух своего времени, эпохи барокко, когда в европейской культуре была возможна гармонизация противоположных сфер.

Итак, культура барокко развивается и формируется, следуя парадигме складки – максимальное развитие двух антагонистичных сфер по независимой программе, и в то же время гармоничное слияние их в одно целое. Эта парадигма проявляется не только в ис-

кусстве, науке и философии барокко, но и во всем стиле жизни Европы того времени. Именно парадигма складки формирует все аспекты социокультурной деятельности эпохи барокко, которую Европа предлагает как предмет межкультурной коммуникации народам, которые с ней взаимодействуют. Складка стала парадигмой одного социокультурного феномена русской культуры, который начал формироваться именно в это время в результате межкультурной коммуникации с Европой, а именно Российской империи.

Дуальная структура Российской империи, которая сложилась в петровскую эпоху усилиями самого Петра, отмечается многими историками, философами и культурологами. В крайней своей форме это выражается в представлении, что Петр разделил страну на две, разорвал народ на два народа, политическую европеизированную элиту и приверженные старине русские массы. У этих двух народов разный язык, разная одежда, разная культура, причем не просто отличающаяся, а антагонистичная: одобряемое в одной культуре (например, брить бороду и курить табак) сурово запрещается в другой. Российский социум после Петра предстает разорванным, разделенным на две части, две разные сферы, у которых нет ничего общего, которые, казалось бы, должны уничтожить друг друга. Этот разрыв сохраняется весь имперский период и не преодолен вплоть до настоящего времени.

Тем не менее, эта на первый взгляд разделенная, расколотая, разбитая структура демонстрирует удивительную жизнеспособность. Россия несколько столетий сохраняет политическое единство, ведет самостоятельную европейскую политику, увеличивает свою территорию, включает в свой состав новые народы, побеждает соединенные армии Европы (Наполеона в 1812 – 1815 гг. и Гитлера в 1941 – 1945 гг.), сравнительно быстро восстанавливает имперскую структуру после глобальных геополитических катастроф (Революция в 1917-м и распад СССР в 1991-м году). Жизне-

способность социокультурной системы обеспечивается гармонией между ее частями, которые при всей противоположности составляют единое целое. Так функционирует складка в культуре барокко.

Механизмы внедрения и сохранения парадигмы складки требуют отдельного исследования. Петр Первый и Лейбниц были знакомы на протяжении двадцати лет, с 1697 года, и встречались несколько раз, последний раз в 1716-м году, в год смерти философа. Однако мы очень далеки от мысли, что Петр Первый усвоил философию Лейбница и сознательно реализовал ее в своей деятельности. Один человек, какое бы место в социальном пространстве он ни занимал, не способен к таким масштабным преобразованиям всей социокультурной системы, да еще и идущим по рационально составленному плану. Петр был практиком, и именно воспроизведение европейских форм культуры на первом этапе межкультурного диалога позволило России в целом усвоить и парадигму создания этих культурных форм, парадигму складки, а внутрикультурные механизмы русской культуры позволили эту парадигму сохранить и воспроизводить на протяжении трех столетий.

Итак, в XVII-м веке в ходе колониальной экспансии Европы разные народы Земли вовлекаются в межкультурное взаимодействие. В качестве предмета коммуникации Европа предлагает культуру барокко, основная парадигма которой есть складка, гармонизирующая дуальную структуру культурных объектов. Складка формирует и структурирует европейское искусство, науку, философию, а также социокультурные практики общества в целом. Парадигму складки воспринимает русская культура, которая в этот период переживает первую фазу диалога культур с Европой, когда активно усваиваются инокультурные формы и отвергается автохтонный культурный материал. В русской социокультуре в форме складки конституируется такой социокультурный

феномен как Российская империя, сохраняющая и воспроизводящая дуальную структуру российского социума в течение трех столетий. Выявление внутрикультурных механизмов формирования и сохранения складки в русском социуме требуют отдельного исследования.

Сабина Ксения Борисовна
sabina.ks@mail.ru

СЕКТОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Сложно сказать, в какой момент появились первые секты. Можно предположить, что они существуют с момента возникновения традиционных верований как противовес им. В широком смысле слова, сектой можно называть любую группу (религиозную или нерелигиозную, отделившуюся или новую), имеющую свое учение и свою практику, отличные от господствующей церкви или идеологии.

Серьезно проблемой сект занялись только в середине XX века. Специалисты в данной области обоснованно заявляют, что секты несут опасность не только для человека, попавшего в ту или иную сектантскую организацию или для его родственников, но и для целых государств.

В статье автор рассматривает роль сектантских организаций в социально-политических конфликтах. Прослеживается вовлеченность сектантов в подготовку и проведение революции 1917 г. в России и государственного переворота 2013-2014 гг. на Украине. Используя сектантов и методы их вербовщиков для контроля сознания своих адептов, революционные идеологи смогли добиться свержения законной власти и узурпации ее в своих руках.

После распада Советского Союза и обретения Украиной независимости, ее народ оказался в заложниках у собственных властей, которые не смогли реализовать высокий экономический потенциал, доставшийся в наследство от СССР. Вместо этого страна погрязла в политических кризисах, внешних долгах и, в конце концов, оказалась в состоянии гражданской войны. Ситуация на Украине начала XXI века очень напоминает ситуацию в Российской Империи 100-летней давности: в частности в том, что касается деятельности различных сектантских движений, которые сыграли не последнюю роль как в революции 1917 г. в России, так и в революции 2014 г. на Украине. В связи с этим возникает проблема выяснения роли сектантских организаций в развитии социальных и политических конфликтов.

Философы, религиоведы и политологи давно обратили внимание на то, что концептуальный анализ философии религии и религиоведения можно успешно применять для изучения всех значимых, распространенных и влиятельных идеологий мира – как религиозных, так и светских. Это мнение наиболее четко сформулировано и детально проанализировано в книге видного англо-американского религиоведа XX века Н. Смарта «Религии мира». В предисловии ко второму изданию книги профессор А.П. Забияко отмечает, что важным является определение секулярных идеологий как части истории человеческих мировоззрений. По его мнению, неестественно слишком категорично отделять эти идеологии от религии, отчасти потому, что они функционируют в обществе так же, как и сама религия. Развивая мысль, автор приходит к выводу, что в современном мире нация является аналогом религии. Для иллюстрации, Забияко приводит семимерную модель аспектов религии, разработанную Смартom. Подробное описание модели с многочисленными примерами того, как она с успехом может быть при-

менена к анализу любых секулярных идеологий, мы находим в работе Н. Смарта «Религии мира».

Смарт считает идеологии по содержанию, развитию и некоторым функциям родственными религиям в традиционном смысле этого слова. Он стремится избежать смешивания религий и религиоподобных явлений, а также показать родство этих явлений и общие подходы к их исследованию.

Целью исследования является анализ сектоведческих аспектов некоторых социально-политических конфликтов.

О степени участия религиозных сектантских организациях в февральской и октябрьской революциях 1917 года коммунистические власти предпочитали умалчивать. Однако сектанты принимали непосредственное участие не только в самой революции, но и в ее подготовке. В 1881 г. обер-прокурор Священного Синода К. Победоносцев представил Александру III материалы, в которых раскрывались связи сектантов с социалистами, осуществившими убийство Александра II. Для правительства не было секретом, что ряд сектантов, «отвергая все церковные обряды и таинства», «не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников Престола и Отечества разбойникам, но и проповедуют социалистические принципы, как, например, общее равенство, раздел имущества и т. п.».

Точное количество сектантов в Российской Империи на рубеже XIX и XX веков установить довольно сложно. Согласно данным переписи 1897 г., общее число раскольников и сектантов составило 2 137 738 человек. По данным известного писателя и этнографа В. Д. Бонч-Бруевича, не один год занимавшегося изучением сектантства в России, эта цифра доходила до 6 миллионов человек.

Стоит отметить, что в конце XIX века позиция правительства в отношении сект становится диффе-

ренцированной и определяется степенью лояльности по отношению к государству. За религиозные воззрения, если они не были сопряжены с революционными настроениями, в Российской Империи не преследовали.

Однако не все сектантские движения в своей деятельности ограничивались только религиозным компонентом. Так, например, сектанты-духоборцы заявляли, что они не признают никакой земной власти, и что существование государственных институтов для них бесполезно. По их мнению, Земля – Божия; она создана для всех равно и владение ею – это грабеж. Князья и помещики, по их мнению, ограбили народ, завладев землями. «У христиан все должно быть общее, ни у кого своего ничего нет. Отечества на земле не знаем... стремимся к отечеству небесному, а земным не дорожим, и охранять его не хотим. Воинскую повинность решительно отрицаем... по заповеди «не убий»... Суд признаем только Господень: человеческого суда не признаем, и сами судьями быть не можем, по заповеди: «не судите, да не судимы будете»... Тюрьмы не должны быть». За подобные убеждения сектантам грозило серьезное преследование со стороны государства, многих даже отправляли в тюрьмы и на каторгу.

Естественно, что такая сила не могла остаться незамеченной большевиками. Советолог М. Агурский в своей книге «Идеология национал-большевизма» утверждал: «Религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и поддержку большевиков баптистами, евангелистами и адвентистами седьмого дня». Последние даже утверждали, что на Ленине почивает «благодать Божия». Не отрицал своей заинтересованности в сектантах и сам В. И. Ульянов-Ленин. Он полагал, что сектанты могут и должны стать опорной и движущей силой революции. На

II съезде РСДРП в 1903 году Ленин зачитал доклад «Раскол и сектантство в России», который написал Бонч-Бруевич. Судя по докладу, сектанты напоминали им пламенных революционеров партии большевиков, спаянных железной дисциплиной: «Секта хлыстов – это секта тайная, и потому об ее учении очень мало было напечатано в легальной прессе сколько-нибудь правдоподобных сведений. Эта секта наиболее организована, конспиративна и сильна».

Стоит отметить, что сектанты, со своей стороны, были готовы сотрудничать с новой политической силой, которая обещала свергнуть царский режим и установить «рай» на Земле. Сложно говорить наверняка, понимали ли сектантские лидеры до конца, какая именно роль в деле мировой революции им отводится, и что будет с ними, когда большевики придут к власти. Но в 20-е годы XX века они были полны революционных идей и уверены, что власти непременно высоко оценят их помощь.

В 1925 году в газете «Безбожник» было опубликовано открытое письмо под названием «Социально-революционная роль сектантства». Под ним стояли подписи руководителей крупнейших сектантских общин России. Этот документ был адресован ВЦИК на предмет получения от большевистской власти всяких льгот для сектантов. В нем они перечисляли свои заслуги перед большевистским режимом. Так, подробно повествовалось о том, как сектанты вели во время первой мировой войны антивоенную пропаганду, призывали к «братанию» с немцами, рассылали «целыми мешками» воззвания о «прекращении войны» в действующую армию, печатали в своих типографиях большевистские издания и т. д.

Если верить этому документу, Семеновский полк в Петрограде (сыгравший важнейшую роль в подавлении революции 1905-1907 гг.) в феврале 1917 года отказался выполнять приказы офицеров, так как в

«казармах сидели сектанты за отказ от военной службы», которые и «распропагандировали весь полк». В советский же период одной из главных заслуг сектантов было, как писалось в письме, строительство «образцовых колхозов», задолго до сталинской коллективизации 20-30 годов.

Ленин действительно высоко ценил поддержку и преданность сектантов. В 1919 г. был издан особый декрет об освобождении ряда сектантов от военной службы, который вторично был подтвержден в 1920 г. Значительное число сектантов в эти годы провозглашали себя коммунистами, не отказываясь при этом от религиозных убеждений. К ним относятся не только последователи исконно-русских сектантских течений (молокане, толстовцы, новоизраильтяне), но и адепты прозападных сект (баптисты, евангелисты, адвентисты и др.).

В 1921 г. появляется проект Бонч-Бруевича о необходимости поддержки большевистским правительством любых форм сектантства. Сектанты тогда воспринимались как потенциальная опора нового богоборческого режима. Особенно наводит на размышления воззвание Наркомзема от 5 октября 1921 г. к сектантам, в котором, в частности, говорилось: «Впервые за все время существования России сектантам всех направлений предоставлена полная возможность широкого объединения. И мы говорим сектантам, где бы они ни жили на всей земле: добро пожаловать!..».

Революционные порывы сектантов настолько высоко ценились большевиками, что к 1924 г. власти даже заговорили о возможности создания «блока партии с религиозными течениями». Выступая на XIII съезде РКП(б), Рыков заявил: «Те сектантские течения, которые под религиозным соусом проводят революционные задачи и которые иногда близки к отрицанию частной собственности, нужно использовать всячески и целиком». В 1924-1925 гг. баптис-

тами, евангелистами и адвентистами были подписаны декларации о лояльности и сотрудничестве с большевиками. Прочие секты сделали это еще раньше. В декларации о лояльности адвентистов 7-го дня было сказано: «Мы убедились в том, что Бог в своем провидении расположил сердце и дал мудрость нашему незабываемому В.И. Ленину и его ближайшим сотрудникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и своевременного аппарата».

Несмотря на идейную близость, большевики недолго оставались благосклонны к своим временным союзникам из числа сектантов. С конца 20-х гг. в обществе начинает создаваться и укрепляться миф о сектантах как об идейных врагах коммунизма, которые, в виду своих религиозных воззрений, ставят целью свергнуть Советскую власть. После этого начинается череда репрессий, направленных против сектантов. Параллельно уничтожались сведения о непосредственном участии сектантов в революции 1917 г. Жестокая расправа Сталина с сектантами привела к значительному сокращению их рядов и окончательно поставила их в разряд «врагов народа».

Однако это не означает, что сектантские движения полностью прекратили существование. Какое-то время они оставались в подполье, но в годы Отечественной войны снова появились на политической арене. Теперь уже идеологи гитлеровской Германии склоняли их к сотрудничеству и вынашивали планы использования сектантов для окончательного расчленения и дезинтеграции России.

В частности, доподлинно известно, что большую ставку на сектантов делал рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Несмотря на то, что поначалу он требовал особо жестокого обхождения со «Свидетелями Иеговы», которые с 1933 г. были запрещены в Германии, в ходе войны его отношение к ним кардинально пере-

менилось. На имевшего диплом экономиста-аграрника Гиммлера произвело сильное впечатление их добросовестное отношение к труду.

В датированном 21 июля 1944 г. письме к возглавлявшему Главное управление имперской безопасности обергруппе и фюреру СС Э. Кальтенбруннеру Гиммлер изложил свои представления о том, каким образом можно будет установить контроль над Россией и поддерживать в ней должный порядок:

«Любые мысли о введении какой-либо разновидности национал-социализма были бы безумием. Но каждому народу необходима религия или идеология. Сохранить и поддерживать православную церковь неразумно, поскольку она снова обратится в организацию национального единства. Столь же неразумным было бы дать возможность обосноваться там католической церкви. Тут и говорить особенно не о чем. Нам необходимо поддерживать те формы религии и группы, которые действуют на людей умиротворяюще. Для всех тюркских народностей в этом смысле был бы полезен буддизм. Для остальных – учение Свидетелей Иеговы. Как Вам, вероятно, известно, Свидетели Иеговы обладают следующими невероятно ценными для нас качествами: несмотря на то, что они отказываются нести воинскую службу и исполнять любую работу, связанную с войной, они являются сильными противниками евреев, а также католической церкви и Папы. Кроме того, они на редкость реалистичны, не пьют и не курят, очень усердны и честны и всегда выполняют свои обещания. Сверх того, они великолепно умеют ухаживать за скотом и работать на фермах. Они не стремятся к богатству и приобретению имущества. Это противоречит их взглядам на вечную жизнь. Все это – качества идеальные, вообще, можно сказать, что воистину верующие, идеалистически настроенные Свидетели Иеговы обладают, подобно меннонитам, весьма желательными для нас характеристиками».

После разгрома фашистской Германии, на ранее оккупированных немцами территориях то и дело вскрывали остаточные очаги сектантских движений. Так, например, в советское время на территории г. Ворошиловск (нынешний Алчевск) действовала сектантская группа, называвшая себя «Свидетели Иеговы». В материалах уголовного дела читаем: «Управлением НКГБ вскрыта и ликвидирована антисоветская сектантская группа, именовавшая себя «Свидетели Иеговы», действовавшая нелегально на территории г. Ворошиловск, Ворошиловградской области. Участники названной группы на почве общности антисоветских убеждений, установив связь между собой, выступали против проводимых мероприятий Советского Правительства, распространяли клевету на Советскую власть, систематически читали и распространяли имеющуюся у них контрреволюционную литературу...».

Адепты тоталитарной секты «Свидетели Иеговы», различных неопятидесятнических и языческих течений и по сей день продолжают оставаться мощной опорой для деструктивных политических сил. Нельзя обойти вниманием их роль в политическом кризисе на Украине в 2013-2014 гг. Сектанты стали не только реальной силой, к помощи которой прибегли для свержения законной власти в стране, их методы вербовки и контроля сознания взяли на вооружения политики, пришедшие к власти в результате государственного переворота 2014 г.

В целом можно сказать, что в событиях Майдана так или иначе участвовали практически все нетрадиционные религиозные течения, а также униаты (как минимум на уровне агитации). И сегодня представители этих культов продолжают помогать силам ВСУ и националистическим вооруженным формированиям на Востоке Украины – либо опосредованно (через гуманитарную помощь), либо непосредственным участием в боевых действиях. Наиболее активное участие в подготовке и проведении Майдана

на Украине сыграли два сектантских течения деструктивного толка – это неопятидесятники и неоязычники. Первые распространили свое влияние на политические и экономические круги, вторые развернули деятельность в силовом блоке.

Неопятидесятнические пасторы ежедневно проводили на главной площади Киева так называемые «молебны», на которых пели аллилуйю новым властям Украины, призывали Господа благословить В. Кличко, А. Яценюка и других политических лидеров. Неопятидесятнические течения относятся к тоталитарным сектам харизматического толка, то есть, ведущая роль здесь принадлежит личности пастора. Группам данного движения присуще крайне сильное и жесткое давление на психику адептов. Отчасти это обусловлено тем, что их учение содержит некоторые положения оккультизма, а их практики опираются на активное использование техник гипноза. Они ориентированы на подавление критического восприятия адептов, на формирование повышенной внушаемости, безоговорочного подчинения воле лидеров и способны вызывать серьезные психические расстройства. Применяя различные техники гипноза и манипуляции сознанием, пастор способен довести адептов до состояния массового психоза, схожего с эйфорией от наркотического опьянения. Все это мы наблюдали на Майдане в Киеве. Сделав ставку на харизматические неопятидесятнические движения, революционные силы очень быстро смогли добиться желаемого результата – толпа пошла за новыми «лидерами», безоговорочно поверив во враждебность законной власти и необходимость ее свержения.

Другими методами работы руководствовались лидеры «революции достоинства» в отношении силовиков. Эти люди изначально являются менее подверженными психологическому воздействию, поэтому с ними работали сектанты-неоязычники или родноверы, которые призывали возродить «тради-

ционно славянскую религию». Отсюда в символике добровольческих украинских батальонов столько языческих символов, а их лидеры говорят о том, что нужно поклоняться древним идолам и не бояться смерти, так как после нее, как храбрые воины, они обязательно попадут в Вальгаллу. Лидеры практически всех добровольческих батальонов, принимавших и принимающих участие в конфликте на Донбассе, причисляют себя к каким-то родноверческим течениям, некоторые даже создают свои культы, куда автоматически входят все бойцы, а сам лидер нередко провозглашает себя волхвом или воплощением древнего божества.

Кроме этих двух откровенно сектантских течений, не последнюю роль в проведении и подготовке Майдана сыграли священники-униаты. Их методы обработки паствы нельзя назвать откровенно сектантскими, но тысячи последователей, приехавших на Майдан с Западной Украины по наставлению своих униатских проповедников, тут же попали под обработку неопятидесятнических пасторов. Таким образом можно говорить о том, что греко-католики выступили посредниками между сектантами и политическими лидерами Майдана.

Еще задолго до событий 2013-2014 гг. Украина, как и многие страны постсоветского пространства, столкнулась с реальной угрозой, исходящей от тоталитарных сект. Специалисты-религиоведы били тревогу, утверждая, что проблема сект – это не только проблема тех, кто оказался в них втянут. Тоталитарные секты таят в себе угрозу для всего государства. Рискогенность современных сект растет по мере их экономического и статистического роста. Необходимость комплексного исследования феномена сектантства сейчас более чем очевидна из-за постоянного роста активности сект, неизменно растущей численности адептов этих организаций и появления все большего количества форм нетрадиционной религиозности, а также роста числа преступлений, со-

вершаемых последователями религиозных движений.

Утверждение о том, что современное сектантство несет в себе массу опасностей – неоспоримо. Как сказано выше, тоталитарные секты опасны на нескольких уровнях, если быть точнее, то на четырех.

В первую очередь, секта опасна на уровне личности – она подавляется и человек делается безвольным орудием в руках руководителя секты. Опытные лидеры и его помощники стараются максимально быстро подчинить неопита своей воле. Адепты секты теряют способность к критическому мышлению и ведут себя подобно крысам из сказки шведской писательницы Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». В таком состоянии люди готовы на все, чтобы им нискомандовал их лидер – часами ходить по квартирам, рассказывая о Боге, переписать квартиру на секту, совершить самоубийство или убить другого человека «во благо» секты. Для людей, попавших в секту, потеря денег – это отнюдь не самое страшное. Гораздо страшнее то, что человек утрачивает свою личность и, даже выйдя из секты, не может вернуться к нормальной жизни.

Следующая угроза таится на уровне семьи. Секта видит в семье конкурента и старается всеми способами лишить человека какого-либо общения вне ее. Адептам, особенно неопитам, внушают мысль о том, что все их проблемы связаны именно с тем, что близкие и родные настроены к ним враждебно. Новичку часто говорят, что истинная любовь может быть только в стенах секты, его «предостерегают», что родственники попытаются сбить его с выбранного пути, увести от его «истинных братьев и сестер». И когда родные начинают бить тревогу, что их сын или дочь, муж или жена, отец или мать попали в секту, новообращенный сектант вспоминает, что ему говорили в секте, и убеждается, что настоящая любовь только там. После длительного пребывания в секте люди за-

частую добровольно отказываются от семьи, считая это вполне нормальным.

Секты также опасны на уровне общества: в отличие от каких-либо других организаций, секты ничего обществу не дают, а только тянут из него финансовые и людские ресурсы. Сектанты не способны созидать. Их деятельность всегда деструктивна, подрывает устои общества, вносит хаос во все повседневные сферы жизни гражданского общества. Деятельность секты направлена на достижение ее лидером своих целей. А этих целей, как мы уже говорили, всего две – власть и деньги.

И, конечно же, секты опасны на уровне государства. Тоталитарная секта действует как государство в государстве, со своими законами, правилами, со своими органами исполнения наказания. Почти всегда законы секты ставятся ее лидерами выше законов государства. Как мы видим на примере Украины, деятельность сектантских лидеров, подконтрольных олигархическим кланам, в конечном итоге привела к свержению законной власти и узурпации ее в руках представителей этих самых олигархических кланов.

О том, что Украина превратилась в тоталитарную секту, говорят уже не только ученые-религиоведы. Не так давно российский актер Анатолий Пашинин, который воюет в Донбассе на стороне сил т. н. «Операции ООС» в эфире 5 украинского телеканала, на вопрос журналиста о принятии украинского гражданства заявил, что украинское гражданство начало пахнуть сектой. Его можно предоставить, и тут же отнять, если ты не будешь угодным главе секты. Поэтому актер предпочел сохранить гражданство России.

Тоталитарные секты несут в себе огромную опасность. Она грозит не только отдельным личностям, втянутым в секту, но и целым государствам. Секты являются хорошо отлаженным и четко функционирующим инструментом. Их лидеры используют сво-

их адептов для достижения личных целей, чаще всего это власть и деньги. Политики и религиоведы независимо друг от друга давно занимаются проблемой вовлеченности религиозных, чаще даже сектантских организаций, в мировую политику. В исследовании используются элементы методологии Н. Смарта, писавшего, что понятийный аппарат религиоведения и философии религии можно успешно применять для изучения всех наиболее распространенных и влиятельных идеологий мира. Следовательно, их можно использовать и в анализе национализма.

Даренский Виталий Юрьевич
darenskiy1972@rambler.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД РУССКОГО МИРА

*Русский братается в полном смысле слова...
Он не уклоняется от социального и
семейного общения с чуждыми расами...
к чему англичане никогда не были способны.*

Лорд Дж. Керзон, вице-король Индии

*Великодержавие было дано Московии,
расположенной на суглинке, где ничего
не росло кроме реты и редьки, где восемь
месяцев зимы и четыре месяца бездорожья.*

Академик Н. А. Нарочницкая.

Русский мир – понятие, к настоящему времени принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течении длительного времени находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Включение отдельных регионов в состав российской государственности

и цивилизационное пространство русского мира происходило в соответствии со следующими принципами.

1) Главный и основной – как следствие миграционных потоков славянского земледельческого населения на обширные пространства Евразии: Поволжья, Урала, Великой степи и Сибири.

2) Связанный с реализацией базовых нравственно-религиозных основ русской государственности – включение территорий с православным населением, подвергавшемуся опасности геноцида и ассимиляции – земли Руси западнее Днепра, Грузия, Армения.

3) Связанный с необходимостью поддержания геополитического баланса в противовес экспансии других мировых держав – Прибалтика, Средняя Азия (временно – Финляндия и центральная Польша). К настоящему времени все три названные принципа в значительной степени утратили свою актуальность и на первый план выступает принцип обеспечения самостоятельного развития в условиях кризисной экономики «третьего мира», демографического кризиса, и в начавшейся глобальной борьбе за ресурсы.

Среди всех империй, существовавших в истории, Российская Империя представляет собой особый интерес по многим причинам. Происхождение ее героично и имело два этапа: «русские – этнос XIII в., который складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока... Таким образом, созидателей государства из русских выковали враги, но как этнос имперский – идея православного царства, миссия защитника христиан».

Коллективное нашествие Европы на Московскую Русь, породившее страшный период, именуемый Смутой, не был всего лишь обычной агрессией с Запада, каковые повторялись регулярно – это была организованная попытка не допустить формирования самостоятельного цивилизационного пространства, которое могло бы продолжить имперскую миссию погибшей Византии. Европу Русь устраивала только в качестве

полуколониальной периферии, но никак не в качестве Империи, способной включить в себя необъятные евразийские пространства. Но Московская Русь устояла и победила потому, что превратила Смуту в священную войну за веру. Именно в этот момент она и стала Империей в том сакральном, эсхатологическом смысле, о котором сказано выше. Иван IV Грозный принял царский, т. е. византийский императорский титул более чем за полвека до этого, а теперь сам народ словно принял титул «царского народа».

Следует отметить, что это событие отнюдь не означало «самоизоляции». Н. А. Нарочницкая справедливо напоминает о том, что «с Ивана III уже можно говорить о европеизации Московской Руси в смысле широких контактов и взаимопроникновения культур», а «известные штампы о Петре побуждают приветствовать именно и только те петровские начинания, которые обрушились на сам строй и дух народной жизни». В данном случае как раз наоборот – именно образование Русью как Империей самостоятельного цивилизационного пространства впервые делало ее по-настоящему значимой для Европы, которая, впрочем, и позднее никогда не переставала воспринимать Россию в качестве своей неудавшейся колонии и предмета для покорения.

Образование российской цивилизации было исторически закономерно: оно было обусловлено объективной необходимостью общей самоорганизации огромных культурно разнородных пространств перед вызовом перманентной внешней агрессии. Поэтому Русский мир вобрал в себя множество этносов, ранее угнетаемых и уничтожаемых агрессивными соседями, что стало возможным благодаря уникальным государствообразующим качествам русского народа, умеющего вступать во взаимовыгодный симбиоз с любым другим народом, даже независимо от его качеств и уровня развития. Как отмечал одесский культуролог В.А. Дергачев, «Россия, объединившая Евразийскую степь, основала

на ее западных и восточных границах с интервалом в столетие Одессу и Харбин... Здесь удалось создать комплиментарную модель, обеспечивающую социально-экономический прогресс, этнонациональную и этноконфессиональную терпимость на суперэтническом уровне».

Какой же особый «имперский» тип человека лежал в основе российской государственности и чем он ценен в качестве исторического образца? Каковы объективные исторические основы формирования русского национального характера, особенности которого были многократно замечены и описаны непредвзятыми иностранцами? (Предвзятых и карикатурных также более чем достаточно, но обращаться к ним нет смысла). Об одном из таких случаев свидетельствует А. С. Пушкин в «Разговоре с англичанином»: «Я не знаю во всей Европе народа, – говорил англичанин, – которому было бы дано более простору действовать... Прочтите жалобы английских фабричных работников – волосы встанут дыбом... В России нет ничего подобного»; и на удивленный вопрос поэта: «Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?» – англичанин отвечал: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?».

Современными исследователями доказано фундаментальное значение природно-климатического фактора для формирования русского национального характера (вторым фундаментальным фактором была специфика православной веры, а также необходимость постоянной обороны от внешних врагов). Первый фактор состоит в крайне тяжелых условиях ведения крестьянского хозяйства, а также выживания вообще: очень короткий период полевых работ (в 2-3 раза короче, чем в Западной Европе) и скудость почвы, заставлявшая постоянно «отвоевывать» ее у леса, что можно было сделать только общинным способом. Л. В. Милов отмечает: «Фундаментальные особенности ведения крестьянско-

го хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации... всей своей физической и духовной потенции... Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке легкости к перемене мест... чему не в последнюю очередь обязана Россия ее огромной территорией... С другой стороны, *тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности пауперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования* [Выделено мной. – Авт.].

В силу крайне тяжелых климатических условий «в Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность самых “естественных потребностей” индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения хуже... Иначе говоря, объем совокупного прибавочного продукта обществ Восточной Европы был значительно меньше, а условия его создания хуже, чем в Западной Европе». Мизерный совокупный прибавочный продукт, который удавалось получить даже при героических трудовых усилиях, обуславливал особую трудность содержания государства, которое было крайне необходимо для защиты от внешних врагов. «Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта “всеобщих условий производства”». Но государство вынужденно было быть максимально мобилизационным.

Все это приводило к трагическому «надлому» в русском характере:

«Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с

высоким нервно-психологическим стрессом (“страда”), имели... своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам. Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения... *Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто отсутствующих была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние “совершенного изнеможения”, находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю»* [Выделено мной. – Авт.].

Последствия этого «надлома» в полной мере проявляются уже в нашу эпоху, когда разрушена традиционная «героическая» трудовая этика. Поэтому не следует забывать о том, как этот «надлом» преодолевался. Крайне суровые природные и исторические условия, постоянно ставившие под вопрос само выживание русского народа, выработали особый мобилизационно-жертвенный менталитет, которому в наибольшей степени соответствовала как раз особая православная культура смирения и нравственного подвига, и поэтому «именно Православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам».

Маркиз де Кюстин, путешествуя по России, даже решился на такие выводы: «Никто более меня не был потрясен величию их нации... Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившимся на старом театре мира, не оставляли меня... Русский народ

безмерно ловок: ведь эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... Тот, кто сумел бы глубже проникнуть в помыслы Провидения, возможно, пришел бы к выводу, что война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными».

Современный исследователь, пользуясь иной терминологией, фактически утверждает то же самое: «Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов».

Это, в частности, предполагало особую функцию государства как создателя общества. Такой характер цивилизации делает ее очень сильной внешне и очень уязвимой внутренне – на уровне веры в справедливость охраняющего ее государства. Эта глубинная особенность русской цивилизации, объясняющая исток ее исторического катастрофизма, была отражена в известной строке Ф.И. Тютчева «В Россию можно только верить». Только в этом контексте может быть адекватно понят и особый характер российской государственности (в том числе и отношение народа к ней не как к инструменту, а как к ценности почти сакрального порядка). Особо уязвимой для разрушительного воздействия враждебных сил всегда оказывалась именно ценностно-смысловая основа единства русской нации и самой российской государственности. Ни российское государство, ни даже сам русский народ никогда не возникли бы на основе одних лишь прагматических устремлений населения определенных территорий, но изначально включали в себя элемент бескорыстного служения высшей правде и самопожертвования в качестве главного мотива исторической жизни – т.е. такого мотива, без которого все остальные оказываются бессильными.

В свое время М. Волошиным была сформулирована парадоксальная связь и единство двух явлений: «Русская жизнь и государственность сплавлены из непримиримых противоречий: с одной стороны, безграничная, анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всем строе ее совести, мысли и жизни; с другой же – необходимость в крепком железном обруче, который мог бы сдерживать весь сложный конгломерат земель, племен, царств, захваченных географическим распространением Империи. С одной стороны – Толстой, Кропоткин, Бакунин, с другой – Грозный, Петр, Аракчеев». Соответственно, такой тип человека может заставить подчиняться такому государству только глубокая вера в его справедливость. Именно уязвимость веры в справедливость Государства является специфической причиной русских смут и революций, о чем В. В. Кожин писал так: «восстания населения на Западе, как правило, преследовали конкретные экономические цели; между тем, сотрясавшие Россию мощные бунты были, по слову Пушкина, “бессмысленными”, то есть не имевшими прагматических целей и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию». Эта уязвимость и хрупкость самой основы русского исторического бытия, парадоксальным образом обуславливающая внешнюю мощь державы и народа, в отдельные критические моменты истории выступает особо ярко.

К сожалению, пониманию подлинной природы российского государства, формировавшейся на протяжении многих веков как следствие всех указанных условий, всегда мешал идеологический миф о так называемом «русском деспотизме». Если же обратиться к реальной истории, а не к современным идеологическим клише, то тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим. По этому поводу стоит назвать лишь ряд принципиальных фактов.

Так, крепостное право – западноевропейский институт, пришедший в Россию в ходе ее «вестернизации» (в особо жесткой форме – с эпохи Петра I); в Западной Европе он возник намного раньше и существовал намного дольше, охватывая намного большую часть населения, чем в России – и поэтому именно там, а отнюдь не в России мог оказать намного более существенное влияние на национальный характер. Более того, сам этот институт в России сохранил свой изначальный нравственно-религиозный смысл – смысл службы православному государству, а значит, исполнения долга перед Богом, а не людьми. Кроме того, сам термин «крепостное право» крайне мифологизирован. Что за ним стояло в реальности? Только то, что из 40-50 рабочих дней в году 10-15 крестьянин работал на «барина», а весь остальной год (а это 300 дней!) был фактически предоставлен самому себе и обычно занимался частным промыслом. Очевидно, что для современного человека такое «крепостное право» показалось бы скорее всего просто круглогодичным отпуском с небольшим перерывом.

Но еще важнее то, что основная масса русского народа и других народов Империи вплоть до революций XX века имела самый минимальный и опосредованный контакт с государством, поэтому степень его «деспотизма» для нее была вообще безразлична. Реально абсолютное большинство русского народа жило не в государстве, а в «миру» – общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, максимальной открытости и справедливости, – и именно это сформировало тот максимально свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы.

Вопреки широко распространенному русофобскому мифу, уровень репрессивности российской госу-

дарственности до 1917 года был значительно меньше, чем у государств Западной Европы и США. Даже экстраординарные для российской политической истории действия Ивана Грозного по количеству жертв оказываются в несколько раз меньшими, чем действия многих западноевропейских монархов того же периода, и даже меньшими, например, чем количество жертв одной лишь Варфоломеевской ночи. В России никогда не было ничего подобного институту инквизиции или практике публичных пыток, существовавших в Западной Европе вплоть до начала XIX века. В период от восстания Пугачева до революции 1905 года Российская Империя была единственной в мире страной, в которой фактически не существовало смертной казни, применявшейся лишь в самых экстраординарных и единичных случаях. Классическим стало сопоставление казни нескольких декабристов, вызвавшей самый бурный и длительный резонанс, и казни без суда и следствия несколькими годами позже в Париже 11 тысяч рабочих, которую французское общество просто «не заметило». Количество жандармов, количество преступлений и количество заключенных по отношению к общей массе населения (а также количество потребляемого алкоголя на душу населения) до 1917 года в Российской Империи также было в несколько раз меньшим, чем в странах Западной Европы и США. К 1913 году Российская Империя имела самую гуманную систему трудового и уголовного законодательства, и делила с Германией 3-4 места в мировом рейтинге экономического развития. Именно низкий уровень репрессивности государственной системы и национальная привычка к вольной жизни были причинами столь широкого распространения в Российской Империи революционных настроений, намного более жестко и системно подавлявшихся в европейских странах и США.

Очевидно, что Российская Империя достигла максимума того, что вообще было возможно достичь в

столь суровых природных и исторических условиях жизни. В подобных условиях другие народы вообще не смогли создать государств и становились чьими-то колониями. В этом смысле Российская Империя представляет собой некое историческое чудо, а значит, хранит в себе колоссальный опыт, насущный для всех будущих поколений. В какой форме хранится этот опыт, как он может быть воспринят? Современный эквивалент Империи, лишенный ее политических атрибутов – это пространство большой культурной традиции, имеющей общепризнанное мировое значение, создающее огромную общность людей, проживающих в разных государствах, но относящихся к общему культурно-психологическому и ментальному типу. Утрачивая свою внешнюю политическую «оболочку», подлинная империя сохраняет свой главный сущностный признак: это общее пространство созидания великой культурной традиции, имеющий свой, выработанный веками способ мировосприятия и порождения смыслов. Фактически в таком виде почти все «бывшие» империи продолжают существовать и сейчас – вопреки как всем попыткам узко-этнического самоутверждения, с одной стороны, так и «пост-культурной» (В.В. Бычков) унификации мира – с другой. Даже в своем новом, «виртуальном» существовании империи остаются базовой культурной средой, несут в себе базовые «коды» и стимулы современного культуротворчества. И среди них российская имеет особую значимость – благодаря всем тем своим качествам, о которые было сказано выше.

РАЗДЕЛ 2. В НАШИХ ПЛАНАХ

Даренская Вера Николаевна

vera_darenskaya@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО МИРА В РАБОТАХ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Русская культура смогла смело освоить, органически включить в себя начала греческие, скандинавские, угро-финские, тюркские и т. д.

Русская культура – открытая культура.

Д. С. Лихачев

Научная разработка понятия «Русский мир» как цивилизационного маркера «постсоветского» пространства, актуализирует труды многих ученых недавнего прошлого, которые также занимались этой темой. В обширном наследии классика гуманитарной науки XX века академика Д. С. Лихачева (1906-1999) есть книга, в которой были специально собраны его работы, посвященные теме Родины и освоение культурного наследия России. Эта книга, впервые вышедшая в 1983 году, имела характерное название «Земля родная». В нее вошли статьи на разные темы, но именно такое разнообразие и позволило раскрыть ее замысел объемно, стереоскопически и всесторонне. Поэтому данная книга представляет собой ценный предмет анализа, который может показать, каким образом создается интегральный образ Родины, с одной стороны, основанный на глубоких научных знаниях, а с другой – глубоко личный, «свой», но такой, который ценен для всех как образец. Целью данной статьи является анализ экзис-

тенциального образа России, созданного в Д. С. Лихачевым как примера культурологического синтеза, имеющего большую актуальность для развития национального самосознания.

В последние десятилетия наследие Д. С. Лихачева систематически изучается, проводится ежегодные «Лихачевские чтения». Среди публикаций, в которых дана общая концептуализация его культурологического наследия, выделим работы А.С. Запесоцкого, а также монографию В.А. Лукова, в которой обосновано понимание метода культурологических исследований Д. С. Лихачева как «тезаурусного» подхода. Суть последнего состоит в том, что целостный образ национальной культуры формируется как результат обобщений данных из самых различных ее сфер на основе общей концепции единого национального стиля. Именно такой метод и лежит в основе «Земли родной». Построение культурологического образа Родины было для Д. С. Лихачева не только чисто научной задачей, но и важнейшим нравственным императивом всей его жизни. Он писал: «Любовь к своей стране и своему народу – это и есть то надличностное начало, которое по-настоящему освящает (делает святой) всю деятельность человека, приносит ему настоящее счастье, избавляет от неприятностей, мелких личных неудач».

При этом ученый осознает и неисчерпаемость данной темы, и тот факт, что для заниматься ей может не каждый, а только те, кто имеет для этого достаточное количество знаний и способность к масштабному мышлению: «О русском можно писать очень много, и все-таки нельзя исчерпать эту тему. К тому же писать о нашем национальном своеобразии, претендуя охватить всю тему, во всем ее грандиозном объеме – дело ответственное, и на эту ответственность имеют право очень немногие». Беря на себя такую ответственность, ученый идет на осознанный риск, который оправдывается только высокой целью. У Д. С. Лихачева цель этой работы была четко сформулирована – это «полемика с чре-

звычайно распространившимися на Западе представлениями о русском национальном характере как о характере крайностей и бескомпромиссности, «загадочном» и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного».

В своей яркой статье «Национальный идеал и национальная действительность» он отмечал следующее: «Русские люди вроде Мити Карамазова, возможно, и были в русской действительности, но идеалом русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине... Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее вершинам, ибо только вершины возвышаются над веками». Соответственно, метод исследования Д. С. Лихачева можно в целом определить как идеалоцентрический, и он явно выбран автором сознательно в силу специфики изучаемого предмета.

При этом ученый специально отмечает, что в русской культуре существует много самых различных формулировок национального идеала, и поэтому он представляет собой сложное и многомерное явление. Однако между ними есть четко заданная связь и общность, которая определяется тем, от чего всегда отталкивается этот идеал как своей противоположности. «Если национальный идеал был у нас всегда разнообразен и широк, – писал Д. С. Лихачев, – то национальный «антиидеал» – то, от чего отталкивались писатели, художники – всегда в той или иной мере устойчив: он уводил всегда от одного общего: от душевной узости и отсутствия широты, от мещанства, от «бескомпромиссной» погруженности в повседневные заботы, от скупости душевной и жадности материальной, от мелкой злости и личной мстительности, от национальной и националистической узости». Этот метод «от противного» позволяет выделить общие черты разных идеолов.

Смелой и новаторской является идея Д. С. Лихачева о том, что общий идеал русского народа в настоящее время можно определять сравнительно новым словом «интеллигентность».

Черты интеллигентности свойственны простым русским крестьянам, и они ярко и глубоко отражены в классической русской литературе. Ученый ссылается и на свой собственный жизненный опыт: «Я знал на русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни, умели рассказывать «бывальщину» (т. е. то, что произошло с ними или другими), жили упорядоченным бытом, были гостеприимны и приветливы, с пониманием относились и к чужому горю, и к чужой радости. Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это отношение к миру и к людям».

Тем самым, давно пора преодолеть предрассудок о том, что интеллигентность человека в первую очередь связана с уровнем образования. В наше время, как показывает опыт, люди, имеющие высшее образование, не только не превосходят по своим нравственным качествам всех остальных, но весьма часто в этом отношении отличаются от «простых» людей в худшую сторону. Этот факт также был очень ярко отражен новой в русской литературе, особенно в прозе писателей-«деревенщиков» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев и др.), но только академик Д. С. Лихачев дал ему теоретическое объяснение.

Вместе с тем, эта народная черта характера – способность к родственному пониманию Другого – определила и общий характер русской культуры. Как пишет об этом Д. С. Лихачев, «Величайшая и ценнейшая черта русской культуры состояла в ее мощи и доброте, которой всегда обладает мощное, по-настоящему мощное начало. Именно поэтому русская культура смогла смело освоить, органически включить в себя начала греческие, скандинавские, угро-финские, тюркские и т. д.

Русская культура – открытая культура, культура добрая и смелая, все принимающая и все творчески осмысливающая».

Такой характер культуры ярко персонифицирован как среди людей с высоким уровнем образованности, так и среди людей «простых». Здесь ученый также обращается к своему богатому жизненному опыту. В заметках «О моем учителе» он пишет о своем школьном учителе Леониде Владимировиче Георге, который «принадлежал к тем лучшим старым «учителям словесности» в наших гимназиях и реальных училищах XIX и начала XX в., которые были подлинными «властителями дум» своих учеников и учениц... Именно эти старые «учителя словесности» формировали не только мировоззрение своих учеников, но воспитывали в них вкус, добрые чувства к народу, интеллектуальную терпимость, интерес к спорам по мировоззренческим вопросам».

А «другой мой воспитатель – домашний, звали его Катеринушкой», – пишет Д. С. Лихачев. Это женщина из простого народа, портниха, в которой автор видел тип «вечной труженицы, приносившей людям столько добра (счастье входило вместе с ней в семью)». Он вспоминает: «В доме с ней никогда не было скучно. И даже когда кто-нибудь умирал, она умела внести в дом тишину, благопристойность, порядок, тихую грусть... Кроме нашей семьи, семьи бабушки и ее детей (моих теток), были и другие семьи, для которых Катеринушка была родная и, попав в которые, не сидела сложа руки, вечно что-то делала, сама радовалась и радость эту и уют распространяла вокруг». Это народный тип человека, который как будто бы всем родной и в каждый дом приносит с собой радость, теплоту и уют – этот тип ученый считает квинтэссенцией русского человека так же, как и тип образованного учителя с теми же самыми качествами, но проявленными в другой форме.

Эти качества и этот тип мировосприятия развила затем и классическая русская литература, что и стало

одной из главных причин ее величия и притягательности во всем мире. «Во времена Пушкина ценилась «меланхолия», – отмечает Д. С. Лихачев, – Сейчас мы плохо представляем себе, что подразумевалось под этим словом. Мы думаем теперь, что меланхолия порождается пессимизмом, равняется пессимизму. А между тем она была порождением эстетического преобразования всего того печального, трагического и горестного, что неизбежно в жизни. Меланхолия была «поэтическим утешением», и это очень важно почувствовать, чтобы понимать поэзию Пушкина, особенно посвященную природе. Не горе, а печаль – сладостная поэтическая печаль!» Очевидно, что такой тип переживания и мировосприятия является глубоко народным и достался поэту из опыта его предков и народной стихии, в которой он жил.

Особое русское понимание ключевых смыслов культуры Д. С. Лихачев показывает на примере понимания свободы. Он пишет: «Прислушайтесь к языку: «погулять на воле», «выйти на волю». Воля – это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее. Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля-вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснить человека – это прежде всего лишать его пространства. «Воля вольная!»». Тем самым, понятно, что в русском понимании свобода – это, во-первых, глубоко христианское по смыслу состояние отрешенности от земных забот и исполнение евангельской заповеди «не думать о завтрашнем дне»; а во-вторых, это факт наличия пространства для деятельности и освоения земли – простор. Свобода в русском понимании, в отличие от западного, вообще никак не связывается с государством и полити-

кой, а связана только с самостоятельной деятельностью человека, для которой требуется простор. Именно такая свобода и была фактом русской истории – она и создала огромное и могучее государство.

Д. С. Лихачев дает весьма нетривиальное определение того, что является в культуре подлинно современным: «Современность – это не только настоящее, но и великое прошлое, нами воспринятое... Вся история развития человеческой культуры есть история не только постепенного созидания новых, но и обнаружение старых культурных ценностей». В связи с этим определением он специально отмечает и фундаментальную закономерность всемирно-исторического процесса – общее «движение мировой культуры к постепенному расширению понимания культур прошлого».

Сам Д. С. Лихачев всю жизнь сознательно работал, исходя из этого важного исторического закона, посвятив свою яркую научную деятельность «открытию» культуры Древней Руси. Он писал: «Чем ближе мы возвращаемся к Древней Руси и чем пристальнее мы начинаем смотреть на нее, не через окно, «прорубленное» Петром в Европу, а теперь, когда мы восприняли Европу как свою, оказавшуюся для нас «окном в Древнюю Русь», на которую мы глядим как чужие – извне, тем яснее для нас, что в Древней Руси существовала своеобразная и великая культура – культура невидимого града Китежа, как бы «незримая», плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся измерению нашими «европейскими» мерками высоты культуры и не подчиняющаяся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть «настоящая» культура». Что же самое важное открывает культура Древней Руси для культуры современной?

Во-первых, она оказалась ее самым глубоким фундаментом, который долгое время не осознавался. «Русская литература XIX в., – писал Д. С. Лихачев, – одна из вершин мировой культуры, ценнейшее достояние всего человечества. Как она возникла? На тысячелетнем

опыте культуры слова. Древняя русская литература долго оставалась непонятной, как и живопись того времени. Подлинное признание пришло к ним сравнительно недавно». Но теперь нетрудно проследить древние корни русского художественного стиля, воспроизводящегося вплоть до нашего времени.

Весьма показательно, что когда из Болгарии уже с конца X в. начинают проникать на Русь первые книги, то «в это же время создается и первое компилятивное произведение русской литературы – так называемая «Речь философа», в которой на основании разных предшествующих сочинений с замечательным лаконизмом рассказывалась история мира от его сотворения и до возникновения вселенской церковной организации». Столь масштабное содержание и сама тема первой русской книги как бы «пророчески» задала тему и стиль всей последующей русской литературы. «Древнерусскую литературу, – писал Д. С. Лихачев, – можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни». Но нетрудно понять, что и вся русская классическая литература вплоть до XX века фактически двигалась вокруг тех же самых главных тем, меняя лишь свой исторический стиль и форму.

Мирообъемлющий характер древнерусской литературы и культуры в целом теперь навсегда остается мериллом и содержательным канонм для русской культуры во все времена, к которому она постоянно возвращается как своей вечной основе. Эта содержательность такова: «Мировая история, изображаемая в древнерусской литературе, велика и трагична. В центре ее находится жизнь одного лица – Христа. Все, что совершалось в мире до его воплощения, – лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после, сопряжено с этой жизнью, так или иначе с ней соотносится. Годичный круг праздников был повторением священной истории, Каждый день года был связан с памятью тех или иных святых или событий. Человек

жил в окружении событий истории. При этом событие прошлого не только вспоминалось, – оно как бы повторялось ежегодно в одно и то же время». Но и в более поздние эпохи, вплоть до современности, даже отрываясь от своего церковного истока в XIX–XX веках, русская культура все равно всегда стремится к такой же максимальной смысловой полноте земного человеческого бытия.

Эта живая преемственность с древнерусской культурой просматривается до нашего времени и на уровне всего русского мировоззренческого стиля: «В этом единстве литературы, в этой стертости границ ее произведений единством целого... в этой значительности тематики, которая вся была посвящена в той или иной мере «мировым вопросам» и имела очень мало развлекательности, в этой церемониальной украшенности сюжетов есть своеобразное величие. Чувство величия, значительности происходящего было основным стилеобразующим элементом древнерусской литературы».

И точно так же сохранилось с древних времен специфическое русское отношение к написанному Слову: «Литература – священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как и иконе, испытывая чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским». Точно так же и в наше время читатель воспринимает русских классиков в первую очередь как учителей жизни. Вместе с тем, как отмечает Д. С. Лихачев, в целом «было бы односторонним характеризовать героический характер древней русской культуры, ограничиваясь только ее монументализмом. В русской культуре в целом есть удивительное сочетание монументальности с мягкой женственностью». В качестве примера он называет «Повесть о Горе-Злочастии», в которой «выражается необыкновенная ласка к беспутному ее герою». В этой двойст-

венности ярко проявляется христианский дух русской литературы и культуры в целом.

Ряд самых базовых стилистических особенностей древнерусской культуры остаются «архетипами», мировоззренческими доминантами русской культуры вплоть до настоящего времени. В частности, как пишет Д. С. Лихачев, «Ища общего, вечного, вневременного смысла изображений, живопись XI–XII вв. искусственно отбирала из реального мира лишь общие признаки, эмблемы, знаки божественного смысла... Изображения людей как бы выключены из окружающей обстановки, перенесены в идеальный мир: пейзаж почти отсутствует, человеческие фигуры как бы находятся вне пространства и вне времени». Вместе с тем, нетрудно понять, что эти две черты – поиск «знаков божественного смысла» и проникновение в самую глубину человеческой души и личности, словно «перенесенной в идеальный мир» – остаются доминантами подлинной русской культуры вплоть до настоящего времени.

Эти доминанты концентрируются в качестве личностного характера всей русской культуры. Лицо и «лик» – т.е. образ человека в вечности – это основной предмет постижения и выражения в русской культуре, заложенный в ее основание еще во времена Древней Руси. Как отвечает ученый: «Лицо человека, согласно «Поучению» Владимира Мономаха, – это самое большое чудо во всей Вселенной, ибо в мире нет двух одинаковых лиц; «И этому чуду подивимся, – пишет киевский князь Владимир Мономах, – как из земли созданный человек, имеет столь разнообразные лица. Если и всех людей собрать, то не все они на одно лицо, но каждый имеет свое обличье, по божьей мудрости». Удивление перед человеческим лицом – «ликом» пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Тот же ликоподобный и человекоподобный облик имеет и мир. Солнце на миниатюрах изображается с ликом-лицом».

Важной особенностью русской культуры является отсутствие в ее истории эпохи Возрождения. Как писал

Д. С. Лихачев, «в XVII в. исторические функции Возрождения приняло на себя проникшее на Русь барокко. Предвозрождение в отличие от Возрождения характерно тем, что обращение к человеку и тенденции к раскрепощению человеческой личности развиваются в недрах еще религиозного сознания... Важнейшие памятники такого внимания к человеку, к личности человека, к его психологии, к его душевным переживаниям – это до сих пор не изданная и даже не изученная Диоптра, литература, связанная со скитническим монашеством, многочисленные жития русских и южнославянских и восточнославянских святых XIV в., отражающие интерес к человеческой психологии, отдельные повести (например, русская «Повесть о Петре и Февронии Муромских») и пр.». Тем самым, в данном обстоятельстве можно усматривать и позитивный аспект.

«Предвозрождение» было особой культурной ситуацией, когда раскрытие человеческой личности происходило не в рамках антропоцентризма и секуляризации, а в рамках еще устойчивой и целостной православной культуры. Благодаря этому личность раскрывалась не как «индивид», противостоящий миру и Богу, а как цельный «образ и подобие Божие», не утративший своей живой связи с Творцом. Весьма показательны, что и в последующие эпохи взлеты русской культуры были одновременно и эпохами религиозного возрождения – таков и «золотой век» русской культуры, и Серебряный век, и наша эпоха начала XXI века.

Исходя из всего вышесказанного, очевидна справедливость утверждения и вывода Д. С. Лихачева: «Подлинное отношение новой русской культуры к Древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов Древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру». Естественно, это не означает поверхностную стилизацию «под Древнюю Русь», но живое и подлинное воспроизведение внут-

ренного содержания той культуры, в которой в перво-
зданной свежести и непосредственности было воспри-
нято христианское учение и отражено в классичес-
ких художественных формах.

Соотнесение общей специфики русской культуры,
формирующей наш образ России, с «архетипами» дре-
внерусской культуры, как показывает проведенный
здесь краткий анализ, весьма плодотворно. Наследие
Д. С. Лихачева является ценным образцом для после-
дующих исследований в этом направлении – в частно-
сти, развития примененного им метода герменевтики
культурных смыслов и его «полемиической» историко-
софской концепции, созданной им в противовес русо-
фобскому мифу об «отсталости» России.

Кондауров Андрей Сергеевич
moregoods@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ИСКУССТВА

Искусство как мировое, так и русское, находится в
ценностном кризисе, который по нашему мнению вы-
зван цивилизационными причинами, и как следствие
оказывает формирующее воздействие на сознание со-
временного человека. Современная наука вновь пере-
сматривает свои позиции относительно феномена со-
знания. Диапазон существующих позиций охватывает
взгляды от абсолютизации понятия «сознание» до по-
пыток унификации и объявления его вне легитимнос-
ти использования в научном языке. Такой результат
тысячелетнего осмысления и понимания феномена
человеческого сознания закономерно связан со слож-
ностью его природы. Действительно сознание не явля-
ется чем-то буквальным и очевидным. Психология, ме-
дицина, философия и когнитивные науки рассматри-

вают проблему человеческого сознания, акцентируя внимание на том или ином его свойстве. В данной работе мы бы хотели сосредоточить наше внимание на одной из последних научных проблем описания сознания, с точки зрения его эмоционального содержания.

Классическая позиция обобщения представлений о сознании человека связана с феноменом внутреннего переживания внешних событий мира и внутренних событий индивида посредством осознания. Механизмы осознания строятся на фиксации ощущения или же мысли, что мы можем назвать единицей осознания. Похожую позицию в академической философии занимал Эдмунд Гуссерль, введивший в научный обиход понятие «ноэма», репрезентирующие в калькуляционной форме метрическим образом содержание процессов сознания. Отчет о последовательности таких ощущений позволяет индивиду находится в адекватном, естественном состоянии.

Поскольку человек есть существо, имеющее в конструкции своей психики как рациональные, так и эмоциональные формы психической активности мы далее попробуем отдельно рассмотреть сознание человека с учетом этих параметров. Рациональная работа сознания связана с выявлением логики происходящего и как следствие, с обобщением и классификацией получаемого в процессе жизни индивида опыта. Логика в данном контексте выступает как форма организации мышления, проще говоря: рациональное сознание – это язык на котором говорит наше мышление. Логически мыслить значит уметь связывать и приводить в систему закономерные последовательности частных случаев проживания человеком мира.

Рациональное сознание функционально опирается на позицию детерминизма: каждое явление имеет свою причину и следствие. Уметь выявлять такие причинно-следственные связи и означает мыслить логично. Однако стоит заметить, что логики сегодня соглас-

ны с тем, что не существует какой-то одной общей логики. Специалисты в данной области насчитывают сегодня около 200 логик. Каждая логика основана на принципе нахождения детерминационных связей. Таким образом среди перечня исследуемых логик сегодня выделяют: формальную, фрактальную, фонетическую, символическую и другие формы. Что же касается эмоциональной составляющей, современная наука меньше может сказать об этом, тем не менее мы попробуем дать определение того что мы называем эмоцией. Сложность такого определения заключается в том, что различные авторы по-разному определяют понятие эмоции. Эмоция – это оценочное восприятие осознаваемого объекта.

Когнитивная наука использует понятие эмоционального сознания для описания процессов оценочного реагирования человека на тот или другой раздражитель. Скорее всего эмоциональное сознание досталось нам от животных и является эволюционным приобретением. В данной работе мы хотели бы подчеркнуть, что мы будем считать понятия рационального сознания и эмоционального сознания противоположными, но не исключаящими друг друга. Они противоположны во многом из-за природы того базиса, на котором они основаны. Рациональность человека конфликтует с его эмоциональностью. Баланс в таком конфликте – это признак здоровой личности.

Традиционно наука призвана предостерегать и предвидеть те социальные и цивилизационные кризисы, которые ожидают человека в ближайшем будущем. Существует даже отдельная наука футурология, которая аккумулирует внутри себя подобное знание. Если смотреть на проблему эмоционального сознания с точки зрения футурологии, очевидным образом перед нами возникает проблема кризиса эмоционально сознания у современного (и вероятно) у будущего человека. Мы отмечаем пугающую тенденцию угасания корректной работы эмоциональной системы у людей сов-

ременного общества. Речь идет не о некоторых абберациях в поведенческих особенностях человека, а о кризисе как угасании в человеке эмоционально элемента вплоть до полной его аннигиляции.

К сожалению, приходится признать, что если человек будущего откажется от эмоций, он откажется и от искусства. По нашему мнению, искусство являлось в истории человека тем пространством, в рамках которого человечество и сконцентрировало примеры лучших источников эмоциональных переживаний. Это пространство оказалось сегодня в опасности, в случае если люди с «нулевым» эмоциональным сознанием действительно окажутся не примерами медицинского исключения, а закономерной тенденцией, увеличивающейся по экспоненте. Возможно ли это: искусство становится эволюционным атавизмом? Данная проблема требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, для нас очевиден один вывод: участвовавшие случаи терроризма в школе (такие как керченская трагедия) являются одним из закономерных следствий кризиса эмоционального сознания. Строго говоря, пока сложно достоверно делать выводы о причинах этого явления, однако, по нашему мнению, одной из составляющей причин может служить перенасыщение современной информационной цивилизации тем, что мы можем обозначить как «эмоциональные наркотики». Современное информационное пространство стучает количественно и качественно эмоциональные раздражители, что в свою очередь подвергает эмоциональное сознание человека перегрузке и вводит его в состояние отсутствия самостоятельной возможности порождать эмоции. Такое эмоциональное бесплодие, вероятно, может стать одной из причин исчезновения человека, в том виде в котором мы его понимали прежде.

ЭТО СЛЕГКА ПОДЗАБЫТОЕ СЛОВО...

Современная эпоха рисков и неожиданных сюжетов преподносит поистине непредсказуемые повороты, ставя такие знакомые и вечные вопросы – «кто виноват?» и «что делать?». Виноват человек думающий и понимающий (потому что вечно недоволен существующим положением вещей) и ответить на них должен непременно опять-таки человек думающий и понимающий (потому что благодаря перспективному мышлению он ищет гармонии внутреннего и внешнего состояния). Думающий и понимающий человек фокусирует и выражает несовершенства социума, и в силу своего уникального видения будущего просто обязан снять эти противоречия. А на кого же еще надеяться, как не на человека мыслящего, обладающего широкими познаниями если не во всех, то во многих значащих сферах бытия? Остается обозначить такого человека словом, находящимся наготове, – интеллигент. С некоторой долей стеснения, некоей иронией это слово произносится сейчас, в прагматический век, растерявший трогательную чувственность состояния. Это слегка подзабытое слово сродни мягкости, уступчивости, примирению, терпению, всепрощению. И не потому ли оно утратило прежнее значение, что указанные и еще не указанные его составляющие ощущают некоторое отторжение и некоторую неуместность среди сегодняшних реалий?

А сегодняшние социальные реалии таковы: им присуще фундаментальное положение постмодерна – универсальный хаос. Отказ от идеи целостности, иерархии структуры, централизации, гармонии отмечается в трудах Ж.-Ф. Лиотара, Дж. Вейза, М. Фуко, В. Вельша, Ж. Делёза, Ф. Гваттари.

Достаточно привести несколько мыслей в отношении характеристики постмодерна, чтобы удостовериться в его непредсказуемости и отсутствии упорядоченности: «Мы живем без специальных разметок и указанных координат в мириадах потерянных событий» (М. Фуко), «Культура постмодерна необратимо плюралистична» (В. Вельш), «Мир утратил свой стержень, мир превратился в хаос» (Ж. Делёз), внесены предложения «внесения хаоса в порядок» (А. Жарри), принципа нон-селекции как умышленного создания текстового хаоса (Д. Фокемоэ), замена идеологии «упорядочивания вещей» «распадом и дезорганизацией» (Б. Смарт). На фоне всеобщего хаоса кажутся хрупкими те духовно-нравственные ценности, которые вырабатывались столетиями и тысячелетиями. При столкновении с непредсказуемостью хаоса постмодерна духовно-нравственные ценности или уступают место неупорядоченности, или приспособляются к новым реалиям, или находят собственную нишу до лучших времен, или... Варианты перспектив поливариативны и навряд ли предсказуемы в силу неопределенности разворачивания самой ситуации постмодерна.

Постмодерн отличается отсутствием истины, децентрализацией, иронией, деструкцией, наличием симулякров, пастишем, игрой, плюрализмом. Под его разрушительное действие подпали семейные, религиозные, моральные ценности, которые переживают парадигмальные сдвиги. И среди этого вселенского хаоса пробивается как мерило наличия совести и нравственности понятие, присущее человеку, не растерявшему чувство сопричастности, сопереживания, соучастия ко всем и всему, что есть. Десять признаков интеллигента выражают основные позиции принадлежности к этому состоянию.

1. Человеколюбие. Интеллигент любит всех без исключения: и верных друзей, и заклятых врагов. Он не учит жизни, а по-дружески предлагает поделиться опытом, всегда готов помочь тому, кто испытывает трудно-

сти, и презирует разделения на статусы и классы, понимая, что они все же существуют. Этот убежденный гуманист всегда в хорошем настроении и пытается заразить им всех вокруг: на хамство он отвечает пожеланием хорошего дня, а хмурость приятеля пытается побороть анекдотом. Приязнь к людям позволяет интеллигентам подстроиться под любую компанию, при этом не теряя собственного лица.

2. Ценность времени. Несмотря на альтруистичность, интеллигент понимает, что некоторые люди просто отнимают его время. Он легко рвет связи с надоедами, которые не разделяют его ценности и беспардонно навязывают свои, и никогда не спорит с человеком, если единственный смысл словесной перепалки – удовлетворение самолюбия. Самодостаточный человек знает себе цену и ему не нужно бессмысленно утверждаться перед кем-то, расплачиваясь временем. Интеллигент также строг с занятиями, которые его обворовывают. Он тщательно планирует досуг, чтобы не раскошелиться на ерунду, которая отвлекает его от саморазвития.

3. Воспитание. Представители интеллигенции большое внимание уделяют манерам. Они тактично подсказывают людям, где они совершили ошибку, и ни в коем случае не заставляют их стыдиться. Интеллигенты умеют хранить секреты и не участвуют в распространении слухов и сплетен – им не доставляет удовольствия скрытое ехидство, а если вежливый человек хочет высказаться, он сделает это деликатно, но прямолинейно.

4. Скромность. Интеллигент никогда не допустит даже косвенного намека на свой высокий статус. В компании он всего лишь работник определенной профессии, даже если он приобрел чрезмерное влияние и богатство, разговор ведет на одном языке и не вставляет в речь цитаты на иностранном, не хвалится посещенными странами, а просто переходит к истории, будто вычитал ее из книги. Одним словом, чем ме-

ныше «Я» в разговоре, тем больше проявляется личность.

5. Образование и самообразование. Интеллигент обожает знания и обретение новых талантов. Он обязательно получает университетский диплом, хотя бы потому, что ему нравится учиться, а его досуг заполнен книгами, журналами и разнообразными статьями из интернета. Образованный интеллеktуал не кичится знаниями: он никогда не разговаривает замудренными словами в приземленных компаниях, чтобы показать свое превосходство, и не укоряет человека за то, что он не читал «Доктора Живаго», к тому же, возможно, сам интеллигент не знаком с этим романом. Всего не узнаешь и не перечитаешь, но ключевые труды культуры и науки надо знать и понимать и стараться привлекать к ним внимание других.

6. Грамотная речь. Язык – это отражение культуры народа, поэтому к нему нужно относиться крайне бережно. Интеллигент консервативен по отношению к иностранным словам и предпочитает заменять их русскими аналогами, но никогда не противится уже устоявшейся традиции, то есть «хобби» с его подачи может превратиться в «увлечение», но называть фонтан водометом никто не станет. Немалое значение уделяется словарному запасу и построению предложений для красивого выражения мысли. Что будет кричать интеллигент, когда ударит молотком по пальцу? То же, что и все люди. Воспитанный человек прекрасно знает слова народного языка, но на публике он употребляет их раз в сто лет, чтобы ругательство было настоящим впечатлением, а не мусором, постоянно подмешиваемым в речь. Если же человек должен высказать свою позицию по абсурдному вопросу или мнение об омерзительном персонаже, он воспользуется остроумием или просто промолчит.

7. Независимая точка зрения. Критичный ум не позволяет вводить себя в заблуждение. Несмотря на убеждающие уговоры, интеллигент всегда принимает ре-

шения самостоятельно. Он дотошно изучает все стороны вопроса, используя разные источники информации, а затем занимает позицию оппонента и старается ее защитить, чтобы в итоге выступить судьей и решить, кто прав – защита или обвинение. Хладнокровный и беспристрастный взгляд критики обезоруживает любую ложь, даже если она приятна – умный человек прежде всего честен сам с собой.

8. Патриотизм. Интеллигент – убежденный патриот и не менее убежденный космополит. Весь мир его дом и все иностранцы его братья, но родина у него одна и о ней нужно заботиться. Представитель интеллектуального класса делает все, чтобы сделать жизнь отечества лучше, и никогда не причитает, что его страна хуже других. Патриоты живут в самых лучших государствах, которые сами же и создают.

9. Уважение к культуре. Несмотря на то, что культуру определяет весь народ, именно интеллигенция является ее проводниками сквозь эпохи. Своим трудом ее представители сохраняют историю менталитета народа, причем не только своего, и благодаря этому формируют мировоззрение будущих поколений.

10. Состоятельность. Мыслящий человек должен уметь себя реализовывать, а для этого вовсе необязательно гнаться за гигантскими вершинами. Жизненные успехи интеллигента – это стабильный доход на любимой работе, счастливая семья, верные друзья и, конечно же, вклад в благосостояние и развитие общества.

Трудно выполнить все десять заповедей, но если они не придуманы, а естественны, если эти установки составляют ткань сущности человека, тогда выполняются безо всякого напряжения. Главное состояние интеллигента – осознание того, что человек равен человеку.

Кроме понятия «интеллигент» – специфического российского феномена, выделяется понятие «интеллигенция» как культурно-этическая концепция. Политический деятель, экономист, философ Петр Бернгардо-

вич Струве в статье «Интеллигенция и революция» отмечает, что в 60-х годах XIX века с их развитием журналистики и публицистики «интеллигенция» явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое. Отмечается не просто наличие образованных и мыслящих людей, выполняющих функции, которые предполагают высокую степень развития интеллекта и профессиональной образованности, но и присущая им степень ответственности. Одним из первых слово «интеллигенция» в этом смысле предложил русский писатель П. Д. Боборыкин, который назвал ее «высшим образованным слоем общества» еще в 1866 году. В русской, а затем и западноевропейской мысли это слово быстро вытеснило понятие «нигилист», введенное И. С. Тургеневым, и понятие «мыслящий пролетариат» («образованный пролетариат»), известное по статьям Д. И. Писарева.

П. Б. Струве отмечает уникальность русской интеллигенции, которая проявляется в том, что самый кризис социализма на Западе потому не выступает так ярко, что там нет интеллигенции. Нет на Западе того чувствилища, которое представляет интеллигенция.

Уникальное явление, выделенное в Российской империи, противостоит западноевропейскому понятию интеллектуала. Особенно вкусно у П. Б. Струве слово «чувствилище», воплощающее не просто образование и интеллект, но и прилагаемые к нему ощущения, чувство обустройства миропорядка в соответствии с совестью, сердоболием. Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления.

Постоянное сравнение двух культурных пространств – Запада и Востока, получив начало в петро-

вские времена, продолжается по настоящее время, и еще долго будет определять тон полемики о влиянии Западной Европы на Россию (или наоборот). И в XIX веке наиболее яркие мыслители российского пространства отмечали давление европейского ветра на мыслящую часть российского общества.

Николай Александрович Бердяев, размышляя о философской истине и интеллигентской правде, показывает значение западноевропейской теории для мыслящей России. В 90-е годы с возникновением марксизма очень повысились умственные интересы интеллигенции, молодежь начала европеизироваться, стала читать научные книги, исключительно эмоциональный народнический тип стал изменяться под влиянием интеллектуальной струи, отмечает Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда». Русскими марксистами овладела исключительная любовь к равенству и исключительная вера в близость социалистического конца и возможность достигнуть этого конца в России чуть ли не раньше, чем на Западе. Каких только блюд не подают голодной русской интеллигенции, и все она приемлет, всем питается в надежде, что будет побеждено зло самодержавия и будет освобожден народ. Философ опасается, что и самые метафизические и самые мистические учения будут в России также приспособлены для домашнего употребления. А зло русской жизни, зло деспотизма и рабства не будет этим побеждено, так как оно не побеждается искаженным усвоением разных крайних учений.

Теолог и философ Сергей Николаевич Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» отмечает, что судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна интеллигенция. Она есть то прорубленное окно Петром в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованнос-

ти и просвещения в России, она есть главный его проводник в толпу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь огромна и устрашающа ее историческая ответственность пред будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным! Вот почему для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции, и вместе с тем нет заботы более томительной и тревожной, как о том, поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волей, ибо в противном случае интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию.

Совершенно справедливо С. Н. Булгаков отдает дань уважения и придает колоссальное значение роли образованной части общества в деле переустройства страны. Обновиться же Россия не может, не обновив (вместе со многим другим) прежде всего и свою интеллигенцию.

Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. Героизм – вот то слово, которое выражает, по мнению С. Н. Булгакова, основную сущность интеллигентского мировоззрения идеала, притом героизм самообожения. Вся экономия ее душевных сил основана на этом самочувствии.

Героический интеллигент не довольствуется ролью скромного работника, его мечта – быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа. Для него необходимость (конечно, в мечтаниях) не обеспеченный минимум, но героический максимум. Мак-

символизм есть неотъемлемая черта интеллигентского героизма. В этих размышлениях С. Н. Булгакова не без иронии просматривается мысль о раздвоенности слова и дела русского интеллигента, о его нежелании ежедневного труда и оторванной от реалий мечты. То же восприятие революции как невесты у Н. Г. Чернышевского в романе «Что делать?», ожидаемой мыслящими образованными интеллигентами. Без проливания крови, без насилия и гильотин для тех, кто породил ее. Аналогичную мысль проводит Николай Александрович Бердяев, говоря, что интересы распределения и уравнения в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства творчества. Созерцательность в отличие от действия – черта, которой наделяли мыслители русскую интеллигенцию.

Историк русской общественной мысли Михаил Осипович Гершензон, размышляя над истоками интеллигенции в статье «Творческое самосознание», отмечает начало ее родословной от Петровской реформы. Он делает вывод, что наше сознание в массе не выработывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе, поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; в праздной, хотя и святой жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носилась с этим даром до нового, лучшего подарка.

Правосознание интеллигенции, согласно юристу и социологу Богдану Александровичу Кистяковскому, лишено, к сожалению, структурирования. В статье «В защиту прав» Б. А. Кистяковский пишет, что русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И этот недостаток находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне.

Символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд «большинства», как утверждает Семен Людвигович Франк, русский религиозный философ, в статье «Этика нигилизма». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека, а что сверх того – то от лукавого. Именно потому он не только просто отрицает или не приемлет иных ценностей – он даже прямо боится и ненавидит их.

«Русская интеллигенция не любит богатства. Она не ценит, прежде всего, богатства духовного, культуры, той идеальной силы и творческой деятельности человеческого духа, которая влечет его к овладению миром и очеловечиванию мира, к обогащению своей жизни ценностями науки, искусства, религии и морали, и – что всего замечательнее – эту свою нелюбовь она распространяет даже на богатство материальное, инстинктивно сознавая его символическую связь с общей идеей культуры. Интеллигенция любит только справедливое распределение богатства, но не само богатство; скорее она даже ненавидит и боится его. В ее душе любовь к бедным обращается в любовь к бедности. Она мечтает накормить всех бедных, но ее глубочайший неосознанный метафизический инстинкт противится насаждению в мире действительного богатства. «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые – это бедные», – говорит Оскар Уайльд в статье «Социализм и душа человека». Напротив, в душе русского интеллигента есть потаенный уголок, в котором глухо, но властно и настойчиво звучит обратная оценка: «Есть только одно состояние, которое хуже бедности, и это – богатство».

Русский интеллигент испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни; будучи социальным реформатором, вместе с тем и прежде всего – монах, ненавидящий мирскую суету и мирские забавы, всякую роскошь, материальную и духовную, всякое богатство и прочность, всякую мощь и

производительность. Он любит слабых, бедных, нищих телом и духом не только как несчастных, помочь которым – значит сделать из них сильных и богатых, т.е. уничтожить их как социальный или духовный тип, – он любит их именно как идеальный тип людей. Он хочет сделать народ богатым, но боится самого богатства, как бремени и соблазна, и верит, что все богатые – злы, а все бедные – добры; он стремится к «диктатуре пролетариата», мечтает доставить власть народу и боится прикоснуться к власти, считает власть злом и всех властвующих насильниками... Его влечет идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни; Иванушка-дурачок, «блаженненький», своей сердечной простотой и святой наивностью побеждающий всех сильных, богатых и умных – этот общерусский национальный герой и есть герой русской интеллигенции».

С.Л. Франк определяет классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия. Если в таком сочетании признаков содержатся противоречия, то это – живые противоречия интеллигентской души. Прежде всего, интеллигент и по настроению, и по складу жизни – монах. Он сторонится реальности, бежит от мира, живет вне подлинной исторической бытовой жизни, в мире призраков, мечтаний и благочестивой веры. Интеллигенция есть как бы самостоятельное государство, особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, со своим этикетом, со своими правами, обычаями, почти со своей собственной культурой; и можно сказать, что нигде в России нет столь незыблемо-устойчивых традиций, такой определенности и строгости в регулировании жизни, такой категоричности в расценке людей и состояний, такой верности корпоративному духу, как в том духовном монастыре, который образует русская интеллигенция.

Кучка чуждых миру и презирающих мир монахов объявляет миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные материа-

льные нужды, анализирует С.Л. Франк настроение русской интеллигенции. Социалистическая идея, владеющая умами интеллигенции, целиком, без критики и проверки, заимствована ею в том виде, в каком она выкристаллизовалась на Западе в результате столетнего брожения идей. Корни ее восходят, с одной стороны, к индивидуалистическому рационализму XVIII века, и с другой – к философии реакционной романтики, возникшей в результате идейного разочарования исходом великой французской революции.

Русская интеллигенция при всех недочетах и противоречиях ее традиционного умонастроения обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась вере подчинить свою жизнь. Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми. Правда, этот переворот может оказаться столь решительным, что свершив его, она вообще перестанет быть «интеллигенцией» в старом, русском, привычном смысле слова. Но это – к добру! На смену старой интеллигенции, быть может, грядет интеллигенция новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения.

Самопожертвование русской интеллигенции не вызывает сомнения, но хранит в себе противоречие, которое анализирует социолог и публицист Александр Соломонович Изгоев в статье «Об интеллигентной молодежи»: «Принцип «иди и умирай!», пока он руководил поступками немногих, избранных людей, мог еще держать их на огромной нравственной высоте, но когда круг «обреченных» расширился, внутренняя логика неизбежно должна была привести к тому, что в России и случилось: ко всей этой грязи, убийствам, грабежам, воровству, всяческому распутству и провокации. Не могут люди жить одной мыслью о смерти и критерием всех своих поступков сделать свою постоянную готов-

ность умереть. Кто ежеминутно готов умереть, для того, конечно, никакой ценности не могут иметь ни быт, ни вопросы нравственности, ни вопросы творчества и философии сами по себе. Но ведь это есть не что иное, как самоубийство, и бесспорно, что в течение многих лет русская интеллигенция свила собой своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть, и притом на возможно быструю смерть... Любовь к жизни вовсе не равносильна страху смерти. Смерть неизбежна, и надо учить людей встречать ее спокойно и с достоинством. Но это совершенно другое, чем учить людей искать смерти, чем ценить каждое деяние, каждую мысль с той точки зрения, грозит ли за нее смерть или нет. В этой повышенной оценке смерти не скрывается ли тоже своеобразный страх ее?»

Высказывая мнение, что спасителем России может и должна явиться героическая интеллигенция, Иван Ильич Петрункевич обобщает настроения кануна эпохальных преобразований в статье «Интеллигенция и «Вехи». Далекая от западноевропейских правовых воззрений, русская интеллигенция, в противоположность им, живет мечтою о Граде Божиим, о грядущем царстве правды и спасения человечества – если не от греха, то от страданий... А между тем нет интеллигенции более атеистической, чем русская, и со времен Белинского атеизм стал первым членом символа веры нашего западничества.

«Интеллигенция», в смысле «ума» и «понимания», так же как и смысле «нравственной чуткости», существует, конечно, у всех народов и во все времена. «Интеллигенция» – это всегда и всюду «верхний слой» социального духа, его «сливки», его «цвет». Но в разные эпохи и у разных народов этот «цвет» духа может принимать разные формы, окрашиваться в разные цвета и оттенки. Такую высочайшую оценку русской интеллигенции дает Николай Андреевич Гредескул в статье «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл».

«Другие страны не знали и не знают такой интеллигенции, как наша, русская, разумеется здесь тот ее вид, какой она имела в течение всего XIX столетия. Славянская (русская народность) не так упорно и рассудительно активна, как масса германская, в особенности англосаксонская; но она и не так строитиво, ...бестолково экспансивна, как масса южная, латинская. Мы, русские, несколько пассивны, мы не любим лезть вперед, неохотно берем на себя ответственность и руководящую роль в событиях, но мы хорошо понимаем всю необходимость социального порядка, потому что мы склонны помогать, а не вставлять палки в колеса тем, кто так или иначе нам его устраивает. Охотнее всего мы повинемся, но не за страх, а за совесть и по убеждению. Поэтому мы хороший социальный материал, которому, однако, несколько недостает склонности к самодеятельности. Мы не спешим навстречу нужному действию, а мы терпеливо или беспечно ждем, пока оно само на нас надвигается, но зато тогда мы уже действуем дружно и с воодушевлением, не мешая ходу действия ни излишней строитивостью, ни социально вредным желанием непременно учесть его в чью-либо пользу. Мы социально доверчивы, но и социально бескорыстны. Вообще же наше духовное одарение, как умственное, так и нравственное, по-видимому, не уступит ничьему другому. Наша мысль сильна, трезва она в достаточной мере творческая, а наше нравственное чувство развито и чутко. Забота о «душе» и об ее внутреннем «благолепии» – наша типичная русская забота».

В этой борьбе интеллигенция оставалась одинокой, с сожалением отмечает Н.А. Гредескул, широкая народная масса не понимала того, что эта борьба идет из-за ее же интересов и прежде всего из-за ее политического и социального просвещения. И нигде это тягостное положение русской интеллигенции – ее трагическое одиночество в сознании социально-неизбежного, ее отчаянная борьба за право слова и пропаганды этого должного – не сказалось с такой силой и рельефнос-

тью, как именно в вопросах об устранении абсолютизма.

Везде «интеллигенция» исторически «забегает» вперед, везде для нее «старые» формы жизни более тягостны, чем для масс, везде она «предвосхищает» новые формы и борется за их осуществление, оставаясь в этой борьбе не всегда хорошо понятой и нередко одинокой. Но, может быть, нигде все эти неблагоприятные для интеллигенции условия не концентрировались в такой мере, как у нас в России, в течение XIX столетия в нашей борьбе с абсолютизмом.

После поражения первой русской революции 1905 года, в период реакции, разумеется, интерес к судьбам и роли русской интеллигенции был необычайно высок. Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский в статье «Психология русской интеллигенции» под интеллигенцией понимает все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны. Где кончается интеллигенция? Она кончается там, где нет того минимума образования, без которого нельзя быть хотя бы ничтожным участником в умственной жизни страны. Интеллигенция есть мыслящая среда, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности».

Заданный более ста лет тому назад дискурс о роли мыслящих людей в обществе не исчерпан и в наши дни, когда общество продолжает пребывать в революциях и войнах, когда новое чувство мира меняет отношение человека к человеку. Слегка подзабытое слово «интеллигент» окрашено различными оттенками, начиная уничижительными смыслами и завершая возвышенными. Но хочется верить, что в любом витке развития цивилизации есть люди мыслящие, готовые ответить не только за свои поступки, но и окружающих, обладающие обостренным чувством ответственности за происходящее. И не забудется, не растворится во времени это вечное слово «интеллигент».

ПУШКИН ГЛАЗАМИ ГЕГЕЛЬЯНЦА

Гегель не писал о Пушкине. Это сделают его ученики. Он писал о России, рассматривая ее (как и все вообще) в развитии. Обращаясь к одному из своих учеников (прибалтийскому немцу и ротмистру русской гвардии), учитель подчеркивал: «Ваше счастье, что Отечество Ваше занимает такое значительное место во всемирной истории, без сомнения имея перед собой еще более великое предназначение. Остальные современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих, в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы. Ваше личное счастье, что благодаря своему рождению, состоянию, талантам и знаниям, уже оказанным услугам Вы можете в самое ближайшее время занять не просто подчиненное место в этом колоссальном здании».

Таким был философский взгляд на Россию. Но существовал и противоположный «философический» взгляд П. Я. Чаадаева. А. С. Пушкин ему отвечал: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться... А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел Вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?.. Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Через три месяца Пушкина не стало. После его смерти вышло три тома «Сочинений Александра Пушкина. Том I-III. СПб. 1838». Именно так назвал свою статью о Пушкине К. А. Варнхаген фон Энзе (Varnhagen von Ense) в берлинском «Ежегоднике научной критики» («Jahrbuecher fuer wissenschaftliche Kritik»): «Werke von Aleksander Pushkin. Band I-III. St. P. 1838». Этот ежегодник с 1827 г. выходил под редакцией Гегеля и Варнхагена, продолжившего дело после смерти философа. Русский перевод статьи в 1839 г. поместили петербургские «Отечественные записки».

Переводчиком статьи был М. Н. Катков. В своей заметке «Отзыв иностранца о Пушкине, статья Фарнхагена фон Энзе» он писал: «Наш великий поэт нашел наконец себе отзыв в сердце Германии – в Пруссии. Чье сердце не забьется сладким восторгом и мужественною гордостью, кто истинно русский не заплачет от умиления при следующих строках известного германского биографа и критика? По крайней мере, в нашей жизни было мало таких вдохновенных чувствований, как при этом благородном, при этом германском отзыве на голос нашего Пушкина, нашего великого Пушкина, в котором жило и которым проявилось все лучшее нашей жизни... Все минуты высокого наслаждения, дарованные Пушкиным и рассеянные в жизни пишущего эти строки, собрались и сосредоточились в эту светлую, в эту несравненную минуту... Еще под ее наитием, еще когда сердце не остыло от сладкого чувства, рука чертит мертвые буквы... Пушкин! Мы так мало ценили тебя, так мало сделали для твоей славы!»

(В связи с Пруссией вспоминаются автобиографические заметки, где Пушкин писал: «Мы ведем род свой от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, как говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы»).

Катков продолжил: «Мы твердо убеждены и ясно сознаем, что Пушкин – поэт не одной какой-нибудь эпохи, а поэт целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира; не лазаретный поэт, как думают многие, не поэт страдания, но великий поэт блаженства и внутренней гармонии. Он не убоился низойти в самые сокровенные тайники русской души... Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтобы исследить ее. Пушкин исследил ее и победоносно вышел из нее и извлек с собою на свет все затаенное, все темное, крившееся в ней... Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире. Статья, которую вы будете читать теперь, напечатана в берлинском журнале «Jahrbuecher fuer wissenschaftliche Kritik», основанном Гегелем, тем величайшим философом, который объял и повершил стремления разума. Этот журнал издается теперь достойными учениками бессмертного учителя – и в этом журнале выговорено иностранцем полное торжественное сознание величия нашей родины, произнесена достойная оценка нашего Пушкина. В лице Гегеля подает нам руку Германия, в лице Германии – вся Европа, целое человечество. Слышите ли? – Нас уже не называют учениками и подражателями... Слышите ли? – К нам взывают наши учителя как равные к равным. Они радушно указуют нам на свои сокровища, а нам даже не нужно поднимать руки, чтоб указать на свои: они сами лучше нашего видят – где и в чем они. Стыдно! Нас опередили в оценке нашего Пушкина! Но дай Бог, чтобы это было в последний раз, дай Бог, чтоб мы почувствовали наконец в себе силы к самобытной и самосознательной умственной деятельности. Этой сладкой надеждой мы заключаем наше краткое введение в статью Варнхагена фон Энзе, статью, в которой мы слышим как бы из другого мира звучащий в привет России и ее великому поэту – голос самого Гегеля».

Объявив Варнхагена голосом Гегеля, Катков превеличил. Но насколько – станет ясно только после прочтения статьи.

Подобно Гегелю, Варнхаген рассматривал Россию в развитии и во взаимодействии с соседями: «Россия беспрерывно развивается, и как ни исполински представляется даже и теперь это развитие, будущий вид его не может быть измерен во всем объеме ни даже самым отважным оком. Мы убеждены, что это развитие захватит собою большую часть немецкой жизни и условит ее, что оба народа вступят еще в теснейшее сродство, живее будут действовать взаимно друг на друга. Какой бы вид ни приняло то, что мы свершим, проживем и возделаем вместе, – всегда будет существовать потребность ближе узнать и лучше понять друг друга. То, что русские, с своей стороны, сделали для этого сближения, значительно, плодоносно и во всяком отношении заслуживает благодарности. Мы же, с своей стороны, мы далеко отстали от них в этом направлении. Да, еще у нас распространен предрассудок, что русский язык необразован и груб, что русская литература едва начинается и большею частью ограничивается подражанием чужим образцам, что мало окупятся труды, потребные для ее изучения».

В развитии рассматривалась не только Россия, но и ее язык: «Русский язык, самый богатый и самый могучий из всех славянских наречий, может состязаться с самыми образованными языками нынешней Европы. Богатством слов превосходит он языки романские, богатством форм – языки тевтонские, и как в том, так и в другом отношении способен к дальнейшему развитию, которому границы невозможно означить теперь. Наш нынешний немецкий язык оторван от своих первоначальных сокровищниц, которые имеют свое отдельное значение, почти без всякого приложения к вытекшему из них языку; новый же русский язык, напротив, находится в свежей, в жизненной связи с древним славянским языком и может черпать как из него, так и из мно-

гих родственных, своеобразно развившихся наречий, и все почерпнутое может претворять в свою собственность. В благозвучии, силе и нежности русский язык не уступит ни одному северному языку и может даже состязаться с южными. Он соединяет обилие согласных, которыми давимся мы, произнося наши немецкие слова, с полнотою гласных, в которых расплывается язык итальянский. Вследствие этого, в нем каждый звук сохраняет свою полноту свою, всю индивидуальность своего выражения, – и он способен на все под рукою мастера. Его просодические и метрические начала имеют в основании и направлении много общего с немецкими; предлагая самые полнозвучные рифмы, русский язык подчиняется самой строгой, самой отчетливой просодии. Припомним, что русский вместе с немецким суть единственные языки, на которые «Илиада» переведена гекзаметрами, и что немецкий переводчик Данта должен позавидовать прекрасным терцинам, которыми Шевырев в своей ученой статье о Данте перевел надпись над воротами ада. Мелодию и прелесть стихов Жуковского слышит даже чуждое ухо, в которое вливаются только одни звуки».

От языка автор перешел к развитию русской поэзии – вплоть до качественного скачка в творчестве Пушкина. В лице последнего русская литература достигла мирового уровня: «Если в таком языке проснется поэзия, то надобно ожидать великих явлений. Хотя без поэзии не живет ни один народ, хотя ни один язык ни в какое время не существует без нее, однако ж здесь не должно упускать из вида важного различия. И до Агамемнона были герои, но они все-таки были ниже его славою, если б даже их имена, их подвиги сохранились в потомстве. Русские давно еще могли хвалиться своим Ломоносовым, своим Державиным и многими; но русская поэзия еще не пробилась в произведениях всех этих поэтов. Мы можем видеть на себе, как долго может замедляться развитие этого цветка, при роскошном процветании других сторон народной жизни: наша

поэзия со вчерашнего дня; до Гёте и Шиллера немцы не имели поэта-выразителя их совокупного образования во всей его целостности. Мы делаем особенное ударение на слове «совокупное образование», ибо это совокупное образование есть факт, обретаемый поэтом и повершаемый его произведениями. Естественная поэзия (Naturproesie) народа соединяется в этих произведениях с художнически усвоенным содержанием всеобщего, всемирного прогресса, на которое каждая нация имеет свое право, которого часть развивает она своею жизнью и которое сопроникается в поэте с ее народностью».

(С.С.Аверинцев: «Сила гениев высокой классики, например, Вергилия, Рафаэля, Моцарта или Пушкина, не в последнюю очередь определяется именно тем, сколь много чужого они умеют сделать своим, в какой мере их личное творчество перерастает в итог до конца созревшей и пришедшей к себе многовековой традиции – итог по существу своему сверхличный»).

Варнхаген: «Такая поэзия в новейшее время пробилась на свет у русских, и ее чистейшее, могущественнейшее выражение есть Пушкин. Из многочисленных, разнообразных рядов предшественников и последователей, группирующихся вокруг него, возвышается его величаявая глава; все они объемлются им, все они находятся в нем. В самом деле, он есть выражение всей полноты русской жизни, и потому он национален в высшем смысле этого слова. Если под народным разуметь то, что передается из века в век в первоначальной непосредственности, без всякого развития, то на высшей ступени образования оно не может быть названо национальным, потому что благороднейшая часть народа, в которой уже пробудился дух и открылись духовные очи, не может им удовлетворяться. Только удержав эту мысль, мы можем определить значение Пушкина и справедливо судить о его произведениях».

(Катков пояснял: «Надобно отличать народное от национального. Народным должно называть все то, что

вытекает из естественного состояния народа, состояния, в котором дух безразлично слит с природою; национальное же – все то, что напечатлено самосознающим, развивающимся духом какого-либо народа как органической части целого человечества, как нации. Мы говорим: «народные русские песни», мы скажем: «поэт национальный». Между этими двумя словами такое же различие, как и между словами «индивидуальный» и «личный»).

Варнхаген сравнивал Пушкина с несколькими классиками. Но больше всего сходства нашел между ним и Гёте. Общей для обоих поэтов является высокая степень «духовной гармонии»: «Русские сами, по скромности или осторожности, нередко называют Пушкина подражателем. Но они уж слишком далеко простерли эту скромность или эту осторожность. То же самое было говорено о лорде Байроне. Его поэзия часто может показаться подражанием, и однако ж она вся вышла из его собственного духа. Как океан есть общий резервуар, в который сливаются реки всех стран, так точно запас духовного богатства, скопленный веками, есть общее достояние, которым всякий может пользоваться, из которого всякий может черпать и усваивать себе все, что ему нужно. Создания Шекспира и Гёте, напевы Байрона, даже усилия Виктора Гюго, одним словом, вся сокровищница литературных произведений переходит в общую поэтическую атмосферу и разрешается в ней; мы вдыхаем ее как свободный жизненный элемент; она становится материалом и составной частью новых созданий, которых вследствие этого еще нисколько нельзя назвать подражаниями. Только дух, один дух может здесь решить, кто свободный владелец и кто рабский подражатель.

Что Пушкин есть поэт оригинальный, поэт самообытный, – это непосредственно явствует из впечатления, производимого его поэзией. Он мог заимствовать внешние формы и идти по стезям, до него бывшим; но жизнь, вызванная им, – жизнь совершенно новая. Если

он часто напоминает Байрона, Шиллера, даже Виланда, далее – Шекспира и Ариоста, то это указывает только, с кем можно его сравнивать, а не от кого должно его производить. С Байроном он решительно принадлежит к одной эпохе, и даже можно сказать – с Шиллером, сколько позволят допустить это некоторые существенные изменения, происшедшие со времени Шиллера во внешнем состоянии жизни. Самый внутренний мир, раскрывавшийся в духе поэта, зиждется большею частью на тех же основаниях, какие мы видим у этих поэтов; в нем та же противоположность и раздор мечты с действительностию, та же тоска, то же полное сомнений уныние, та же печаль по утраченном и грусть по недостижимом счастья, та же разорванность и величественная, великодушная преданность, – все эти качества, особенно преобладающие в Байроне. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его от них, состоит в том, что он живым образом слил все исчисленные нами качества с их решительной противоположностию, именно, с свежеею духовною гармониею, которая, как яркое сияние солнца, просвечивает сквозь его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии подает утешение и надежду. В гармонии, в этом направлении к мощному и действительному, укрепляющем сердце, вселяющем мужество в дух, мы можем сравнить его с Гёте. Истинная поэзия есть радость и утешение, и для того, чтобы точно быть этим, она нисходит до всех страданий и горестей. Укрепляющую, живительную силу Пушкина испытает на себе всякий, кто будет читать его создания. Его гений столь же способен к комическому и шутивому, сколько к трагическому и патетическому; особенно же склонен он к ироническому, которое часто переходит у него в юмор в благороднейшем смысле этого слова. Светлая гармония, бодрое мужество составляют основу его поэзии, основу, по которой все другие его свойства пробегают как тени или, лучше, как оттенки. Его характеру вполне равновесно

его выражение: везде быстрая краткость, везде свежий, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образ, яркая молния духа, резкий оборот. Мало поэтов, которые были бы так чужды, как Пушкин, всего изысканного, растянутого, всякого сопатоме набираемого хлама. Его естественность, довольствующаяся самым простым словом, быстро схватывающая и быстро отпускающая каждый предмет; его могучее воображение, полное согревающей теплоты и величия; его то кроткое, то горькое остроумие, – все соединяется для того, чтобы произвести самое благотворное впечатление в духе беспрерывно занятого и беспрерывно свободно-го, ни минуты не мучимого читателя».

* * *

Читая рассуждения гегельянца и гётеанца о «свежей духовной гармонии, которая, как яркое сияние солнца, просвечивает сквозь его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии подает утешение и надежду», нельзя не вспомнить слов любомудра В. Ф. Одоевского: «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!».

Но насколько актуальны размышления о гармонии Пушкина сегодня? Настолько, что в начале XXI века Аверинцев в статье «Ритм как теодицея» попытался дать новое эстетическое объяснение этой гармонии. А в статье «Гёте и Пушкин» он провел ряд параллелей между гармонией одного и другого поэта. В этом он напомнил Варнхагена. Однако, отношение к немецкой философии у филолога отличалось кардинально.

В первой статье он коснулся Гегеля, но мимоходом и весьма специфическим образом: «...Литературная теория и литературная критика любили рассуждать о соответствии формы и содержания в классической литературе. Пора поговорить о том, что это соответствие контраста. В «Евгении Онегине» всячески тематизируется настроение, достаточно близкое к отчаянию; и

притом весь роман – тут исключительно к месту вспомнить все рассуждения Бахтина о романе как противоположности эпосу! – разворачивается как причудливо непринужденная *causerie* (беседа) автора с читателем, принципиально начинающаяся ни с чего и заканчивающаяся ничем. Однако онегинская строфа принадлежит к числу самых строгих, самых сложных и музыкально-упорядоченных строф. Какие ужасы встают перед нами, когда мы свежими глазами читаем, скажем, вторую песнь «Энеиды», прямо-таки предвосхищающую макаберные темы эпохи мировых войн; но движение вергилиевских гекзаметров дает контрастный противовес неприкрашенным кошмарам. Так называемая форма существует не для того, чтобы вмещать так называемое содержание, как сосуд вмещает содержимое, и не для того, чтобы отражать его, как зеркало отражает предмет. «Форма» контрапунктически спорит с «содержанием», дает ему противовес, в самом своем принципе содержательный; ибо «содержание» – это каждый раз человеческая жизнь, а «форма» – напоминание обо «всем», об «универсуме», о «Божьем мире»; «содержание» – это человеческий голос, а «форма» – все время наличный органический фон для этого голоса, «музыка сфер». Содержание той или иной строфы «Евгения Онегина» говорит о бессмысленности жизни героев и через это – о бессмысленности жизни автора, то есть каждый раз о своем, о частном; но архитектоника онегинской строфы говорит о целом, внушая убедительнее любого Гегеля, что *das Wahre* – это *das Ganze* (Истинное – это Целое). Классическая форма – это как небо, которое Андрей Болконский видит над полем сражения при Аустерлице. Она не то чтобы утешает, по крайней мере, в тривиальном, переслащенном смысле; пожалуй, воздержимся даже и от слова «катарсис», как чересчур заезженного; она задает свою меру всеобщего, его контекст, – и тем выводит из тупика частного...».

По содержанию, налицо согласие с Гегелем. Но форма этого согласия контрастирует с его содержанием-

ем. Итог оказывается двусмысленным: «Гегелей много, но Пушкин об истине целого говорит лучше любого». Однако, Гегель, как известно, никогда не стремился выразить истину целого на языке литературы. А на языке философии он выразил ее не хуже Гёте (или Пушкина).

Помимо эстетической, Аверинцев дал и религиозную оценку пушкинской гармонии. Но эта оценка также далеко не бесспорна. Он писал: «Честно говоря, если я вижу в чем религиозную ценность пушкинской поэзии, так уж не столько в учтивом ответе владыке Филарету или в переложении преп. Ефрема Сирина, сколько в неуклонной верности контрапункту, в котором человеческому голосу, говорящему свое, страстное, недоброе, нестройное, отвечает что-то вроде хора сил небесных – через строфику, через отрешенную стройность ритма. Старые поэты – все больше грешники, но вящий грех и притом непроходимая глупость – пытаться словить их поэзию на слове, потому что в ней-то всегда есть не только слово, но и тайный, потому что метасловесный, музыкальный ответ на слово; кто имеет уши, пусть слышит этот ответ, а кто не имеет, пусть воздерживается от чтения стихов. «А вот он, гад, сам сказал то и то! Вот где он проговорился!» Да, сказал, да, проговорился, – и ритм дал на все свой ответ. С некоторым преувеличением рискнем сказать, что когда мятеж и отчаяние выражают себя в такой безусловно дисциплинированной и притом живой форме, как у Пушкина, – это почти так, как когда псалом принимает вовнутрь своего пространства слова безумца, как известно, сказавшего: «несть Бог», – и тем преодолевает их».

На такую личную оценку филолога можно ответить в том же ключе: «Честно говоря, если я вижу в чем религиозную ценность пушкинской поэзии, так уж не в неуклонной верности контрапункту, не в строфике или отрешенной стройности ритма, не в тайном метасловесном или музыкальном ответе на слово, не в такой безусловно дисциплинированной и притом живой форме, как у Пушкина, но самое главное – в содержа-

нии пушкинского слова. Когда в предсмертном «Памятнике» поэт провозглашает свое кредо («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»), то этим самым устанавливается иерархия ценностей между содержанием слова и его формой, которые вовсе не обязаны во что бы то ни стало друг другу противоречить ради того только, чтобы обеспечить «неуклонную верность контрапункту» (это вовсе не является самоцелью). Веленье Божие – это идеальный контекст как для соответствующего этому веленью содержания, так и для соответствующей этому содержанию формы».

Из сказанного Аверинцевым о Пушкине многое можно отнести к Гёте. Автор подробно сравнил обоих в статье «Гёте и Пушкин»: «...С пересчетом на темп движения русской культуры той поры «веймарская классика» и наш «золотой век» («поэзия пушкинского круга») ...предстают как явления симультанные. Рискнем задать «детский» вопрос. Гёте в немецком контексте еще при жизни и тем более после своей кончины – чтимый или иконоборчески ниспровергаемый, но всегда «олимпиец», из классиков классик. Мы, русские, воспринимаем Пушкина как «классика» нашей литературы, ее, по известной формуле, «солнце». Что означает такой гелиоцентризм? Почему время для «классиков» как немецкой, так и русской словесной культуры пришло именно тогда – ни раньше, ни позже?»

Рассмотрев ряд параллелей в отношении поэтов к Просвещению, исламу, Америке и прочим неевропейским цивилизациям, Аверинцев резюмировал свои рассуждения о классиках: «...Важна, конечно, не столько лежащая на поверхности тема пространственной подвижности, сколько все то, что Достоевский назвал всечеловечеством Пушкина и что столь очевидным образом ощутимо и в Гёте. Всечеловечество невозможно без интереса к «местному колориту», но и несводимо к нему, более того, в определенной мере противоположно всему, что есть только гурманство по части экзотики. Как мы определим существо классического всечелове-

чества? По-видимому, и здесь суть в остром напряжении между традиционной культурной исключительностью и грядущим плюрализмом культур.

Позиция Гёте и Пушкина состоит в том, что они, воспринимая на высшем возможном для их эпохи уровне чуткость к разнообразию цивилизаций, осязаемому чувственно – на глаз, на вкус, на запах, – одновременно удерживают столь же непосредственное ощущение нерелятивизируемого единства человечества, продолжают верить в вертикаль ценностной шкалы, в онтологический статус человеческих «универсалий»...

Каждый классик после своей канонизации вызывал острые споры вокруг конвенционального и антиконвенционального образа своей классичности. И Гёте, и Пушкин в преизбытке навлекли на себя именно такую посмертную судьбу...

Конвенциональный образ строится вокруг понятия гармонии:

гармонии художественной, истолкованной как непротиворечивое соответствие между «формой» и «содержанием»;

гармонии мировоззренческой, истолкованной как установка на «жизнерадостность» и «приятие мира»;

гармонии нравственной, понятой как способность к вынесению более или менее однозначных приговоров о «положительных» и «отрицательных» характеристиках персонажей».

Филолог оспаривает «конвенциональный образ» гармонии и предлагает свое видение проблемы, проводя идею о контрасте содержания и формы у обоих поэтов. «Как выглядит дело в реальности? Да, творчество Пушкина, как и творчество Гёте, дает читателю удивленное переживание некоторой особой гармонии между т. н. формой и т. н. содержанием – между движением стиха, фонетической «оркестровкой» и проч., с одной стороны, и предметом изображения, с другой стороны.

Но еще Гераклит замечает в одном из своих фрагментов, что скрытая гармония лучше явной. Гармония между надрывом Вертера, доводившим впечатлительных читателей до самоубийства, и течением золотой гётевской прозы есть гармония парадоксальная, гармония контрапункта и контраста, а не беспроблемного соответствия. Равным образом в «Евгении Онегине» всячески тематизируется настроение, достаточно близкое к отчаянию; и притом роман – тут исключительно к месту вспомнить все рассуждения Бахтина о романе как противоположности эпосу! – разворачивается как причудливо-непринужденная *causerie* автора с читателем, принципиально ни с чего начинающаяся и ничем заканчивающаяся; но онегинская строфа далеко не случайно принадлежит к числу самых строгих, самых сложных и музыкально упорядоченных строфических форм в русской и европейской поэзии.

Из этого же, кстати, очевидно, насколько сложен в случае Гёте и Пушкина вопрос о гармонии мировоззренческой, о наличии или отсутствии «жизнерадостности», «прияття мира» и т. п. Как распределяет себя мировоззрение Пушкина между тематикой «Евгения Онегина» и его строфикой, противостоящей изображенному душевному хаосу? Примерно так, как небо над Аустерлицем, которое видит князь Андрей у Льва Толстого, противостоит кровавой бессмыслице битвы? В чем именно его искать? Строй формы «ставит на место» героя и самый авторский голос, как это было бы немислимо у Гейне или тем более, скажем, у экспрессионистов. Но форма – это форма, а не тезис, даваемый ею катарсис ничего не «объясняет» и никого не «утешает» в тривиальном смысле этих глаголов.

Что касается способности к более или менее однозначным вердиктам, то с этим дело обстоит особенно сложно. Фауст, употребляя самое мягкое выражение из словаря самого Гёте, – личность «проблематическая» (*problematische Persoenlichkeit*). Честное слово, можно понять К.-С. Льюиса, который находил дьявольское на-

чало никак не в Мефистофеле, сохранившем хоть способность к юмору, а в серьезничающем, торжественном фаустовском себялюбии (тем лучше Фауст подходит к своей функции безличного зеркала авторской личности).

Что до Пушкина – кто поверит, кто способен поверить, будто Самозванец – персонаж «негативный»? Но уж совсем необычный казус – разделение в «Капитанской дочке» одного и того же исторического прототипа (Шванвича – дворянина, перешедшего к Пугачеву) на всецело светлого Гринева и всецело inferнального, однако, несмотря на свою порочащую фамилию и злые дела, вызывающего в читателе участие Швабрина. Впрочем, и Гринев, и Швабрин – персонажи почти сказочные. Но в случае характеристики персонажей более «взрослых» Пушкин дает не столько тезисы, сколько вопросы, демонстративно тематизируя открытость образа. С другой стороны, это еще не та открытость образа, которая станет возможной при более решительном отходе от традиции – скажем, после Достоевского. У Пушкина открытость образа показывается через каталог альтернатив, каждая из которых формулируется в манере, достаточно близкой к риторической конвенции, – но так, что все они в совокупности взаимно оспаривают друг друга».

Все это интересно и заслуживает отдельного обсуждения (наверняка, найдутся и такие, для кого Самозванец однозначно и без всяких кавычек – персонаж негативный). Однако, в финале статьи филолог вдруг мимоходом касается философии. И уже не отдельного мыслителя, но целого направления – немецкой классической философии. При этом Аверинцева интересуется не философия искусства Канта, Шеллинга или Гегеля, которые вследствие изобилия идей могли бы обогатить любые рассуждения о гармонии (в соответствии с темой статьи филолога). Эти эстетические концепции он почему-то просто игнорирует. А вместо этого – декларирует их связь с идеологиями и утопиями. В не-

принужденном стиле оба классических поэта противопоставляются всей немецкой классической философии вообще: «Где острее, чем у Гёте и Пушкина, можно пережить контраст с тем по-своему величавым явлением философии как суммы идеологий, которое при их жизни состоялось в немецком классическом идеализме, но словно дожидалось их ухода из жизни, чтобы реализовать все свои утопические потенции?».

Тем самым Аверинцев отказался от своего собственного согласия с Гегелем, которое демонстрировал (хотя и с риторическими уловками) в предыдущей статье. Теперь же риторические уловки направлены на то, чтобы противопоставить классических поэтов всей немецкой классической философии.

Поскольку вопрос кажется риторическим, ответ кажется очевидным: нигде. Но, к сожалению, перед нами не риторический вопрос, а всего лишь риторическая уловка: ибо никакой очевидности здесь нет и в помине. Чтобы это понять, достаточно ответить на ряд нериторических вопросов.

Чего было больше между Гёте и Гегелем – контраста или согласия? Разумеется, согласия. Так, в письме к Гёте Гегель писал: «Ваше дружеское послание увеличило, если это вообще мыслимо, мое уважение и любовь к Вам и глубоко меня тронуло... Поскольку Вы говорили о моей симпатии, которую Вы, как я могу судить, исходя из Ваших слов, считаете достойной Вашего внимания, это дает мне основание говорить о более глубоких мотивах моей привязанности к Вам и моего благоговения перед Вами. Ибо, когда я оглядываюсь назад, на путь, который пройден мной в духовном развитии, я вижу, что Вы вплетены в каждый шаг этого пути, и я мог бы позволить себе назвать себя одним из Ваших сыновей. Мое мышление получило от Вас силы противостоять абстракции, а Ваши создания были теми маяками, по которым я направлял свое движение». Таким образом, Гегель признает, что учился у Гёте конкретному (т. е. диалектическому) мышлению.

Является ли «величавое явление философии» – идеологией? Нет, не является: ни идеологией, ни, тем более, «суммой идеологий». Какой была идеология Канта? Никакой. Какой была идеология Шеллинга? Никакой. Какой была идеология Гегеля? Никакой.

Каковы «утопические потенции» философии Канта? Никаковы. Каковы «утопические потенции» философии Шеллинга? Никаковы. Каковы «утопические потенции» философии Гегеля? Тоже никаковы. Вернее, у Шеллинга и Гегеля «утопических потенций» было не больше, чем у Гёте или у Пушкина.

Какими были, например, «гейневские потенции» Гёте? Наверное, такими же, как и «некрасовские потенции» Пушкина.

Если среди левых гегельянцев имелись утописты, то они были весьма начитаны: знали еще английскую политэкономия, французский утопический социализм и пр. Именно здесь и стоит поискать «утопические потенции». Но у Гегеля, помимо левых гегельянцев, были и более вменяемые ученики.

И последний вопрос: может ли выдающийся филолог не быть выдающимся философом? Да, конечно. Имеет полное право.

Чтобы в какой-либо работе вынести обоснованное суждение по философскому вопросу, недостаточно лишь однажды упомянуть в ней имя философа или название философии. О различиях между поэзией и философией расскажет любой Аверинцев. Однако, их глубинное сродство увидит далеко не каждый. Оно заключается в диалектике. Отвечая на вопрос Гёте, Гегель хорошо сказал о ее сущности.

Эккерман вспоминал: «Здесь Гегель, которого Гёте очень высоко ставит как личность, хотя кое-какие плоды его философии ему и не по вкусу. В честь Гегеля Гёте нынче вечером собрал небольшое общество за чайным столом, среди гостей был и Цельтер, впрочем, намеревавшийся отбыть этой же ночью... Речь зашла о сущности диалектики.

– Собственно, диалектика, – сказал Гегель, – не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность истинное отличить от ложного.

– К сожалению, – заметил Гёте, – эти умственные выверты нередко используются для того, чтобы ложное выдать за истинное, а истинное за ложное.

– Бывает и так, – согласился Гегель. – но только с людьми умственно повредившимися.

– Вот я превыше всего и ставлю изучение природы; оно не допускает такого болезненного явления, ибо тут мы имеем дело с истинным и бесконечным. Природа немедленно отвергает как несостоятельного всякого, кто изучает и наблюдает ее недостаточно чисто и честно. К тому же я убежден, что она в состоянии даровать исцеление больным диалектикой.

Оживленная беседа была в полном разгаре, когда Цельтер поднялся и, ни слова не говоря, вышел из комнаты. Мы знали, что ему тяжело расставаться с Гёте, и он решил деликатно избегнуть болезненной минуты прощанья».

Цельтер вышел и, к сожалению, отвлек Эккермана. Поэтому мы так и не узнали, что ответил Гегель в ходе оживленной беседы. А ему было что сказать. Он мог заметить, что противопоставлять изучение природы диалектике вовсе не обязательно: в своей «Философии природы» (хорошо известной Гёте) он подробно проанализировал и высоко оценил все натурфилософские концепции поэта. В отношении же человеческого духа, Гегель мог спросить у Гёте: что больше помогает в создании литературных произведений (например, «Фауста») – исследование природы или изучение «духа противоречия, присущего любому человеку»? Вопрос риторический: ибо никакая натурфилософия не может заменить философию духа. Гёте исследовал противоречия духа, упорядочивая и синтезируя их в гармонии целого произведения. Разумеется, никакого односто-

ронного контраста между Гёте и Гегелем нет и быть не может. Между ними имеется глубокое соответствие. А если так, то его не может не быть и между Пушкиным и Гегелем.

«Упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку» присутствует в той или иной степени упорядоченности в любой философской системе (будь то Гераклита, Платона или Гегеля). В иных формах этот же дух присутствует в любой художественной системе (будь то Гёте или Пушкина).

* * *

Варнхаген был не только гегельянцем, но и гётеанцем. Поэтому мог со знанием дела судить о глубинном соответствии классической философии и классической литературы. Продолжая развернутый анализ художественной системы Пушкина, он перешел к рассмотрению соотношения в ней национального и мирового. Творчество Пушкина производит «самое благоприятное впечатление в духе беспрерывно занятого и беспрерывно свободного, ни минуты не мучимого читателя. Для русского это впечатление тем могущественнее, что проникает также в его национальное существо и пробуждает в нем всю полноту жизни его отечества, его народа. Создания Пушкина все полны Россией, Россией во всех ее направлениях и видах. Мы ближе разберем значение того, что сейчас нами сказано, и посмотрим, как национальность Пушкина была выгодна для его поэзии. Всякий поэт, который не теряет в идеальных общностях, выговаривает более или менее жизнь своего народа, характер своей страны, и, во всяком случае, качество этой жизни и этого характера имеет сильное влияние на его поэзию. Но почти всегда круг, очерчиваемый им, тесен; из этого круга почти всегда выходит только нечто одностороннее, нечто однообразное.

Байрон избежал этой тесноты, прибавив к английскому испанское, немецкое, итальянское и греческое; но он обогатил свою поэзию не иначе как непрерывными своими путешествиями. Если Гёте умел, сверх немецких элементов, включить в свою поэзию элементы славянские и восточные, то это удалось ему только вследствие некоторых условий его жизни и по особой могучести его духа. Но русскому поэту все это разнообразие разрозненных пространством и духовно различных элементов дается уже само собою; все это уже он находит в своем национальном кругу. Ему равно доступны, равно родственны юг и север, Европа и Азия, дикость и утонченность, древнее и новейшее; изображая самые различные предметы, он изображает предметы отечественные. Величина и могущество России, объем и содержание русской империи имеют в этом отношении самое благотворное влияние; мы можем отсюда видеть, в каком внутреннем соотношении с государством живет поэзия. Состоя из тех же самых основных стихий, какие соделывают государство могущественным, развивается поэзия изнутри наружу (von innen her). Пушкин, владея мощными силами, вполне воспользовался выгодой своей национальности, вполне осуществил ее. Созерцая самые противоположные изображаемые им состояния, чувствуешь, что они все равно принадлежат поэту, что он на всех их имеет равные права; они его, они – русские. Мы можем здесь, выражаясь собственными словами поэта, сказать:

*От финских хладных скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая, –*

езде – в мире сельских нравов и в блестящем модном свете, в великолепных палатах и под сению цыганской кущи, – везде он на своей родной почве, и везде на этой почве этот богатый мир во всем его объеме превратил Пушкин в поэтическое созерцание...В скиталь-

ческой жизни он научился знать народы и страны своего отечества и всю полноту их победоносно включил в свою поэзию...».

Но всемирность Пушкина, разумеется, объясняется вовсе не размерами Российской Империи. «Если Гёте умел, сверх немецких элементов, включить в свою поэзию элементы славянские и восточные, то это удалось ему только вследствие некоторых условий его жизни и по особой могучести его духа». Это же можно сказать и о Пушкине. Своими для него были не только Европа и Азия. Своей была Африка. Своей была и вся мировая культура с мировой литературой, о которой писал Гёте. Аверинцев в своей статье сравнил пристальный интерес обоих поэтов к Америке (сюда же следует отнести и созвучные мысли Гегеля о Новом Свете).

Перейдя к анализу отдельных произведений, Варнгаген начал с романа «Евгений Онегин» (не обошлось при этом и без упоминания Гёте): «Это произведение, которому нынешняя действительность дала материал, романтические образцы дали внешнюю форму, построй, а высокий творческий гений – духовное содержание и внутреннюю форму, – нашло, как верное зеркало русской жизни, самый живой прием. Почти нет ни одного уголка огромной империи, куда бы не проникнул «Онегин», по крайней мере, в виде изречений, поговорок, намеков на ежедневную жизнь. Такой прием от целой нации, не купленный пошлым унижением, а приобретенный возвышающим величием, уже один доказывает могущество творческого гения Пушкина. Для критического глаза это произведение является в высочайшей степени самобытным и оригинальным. В самом деле, мы не знаем ни одного произведения из известного нам литературного круга, которое бы можно было сравнивать с «Онегиным» Пушкина. Тот, кто бы вздумал тут указать на Байронова «Чайльд Гарольда», показал бы только в себе человека, не способного проникнуть дальше наружной стороны: это было бы все равно, что назвать «Германа и Доротею» Гёте по-

дражанием Фоссовой «Луизе». Даже и тогда, когда Пушкин касается самого обыкновенного, характер и направление его являются необыкновенно самобытными; поэт высоко парит над своими образами, из которых одними он беспечно играет и шутит, другие же скорбно прижимает к груди своей... Едва ли можно лучше характеризовать разноцветную смесь веселого и грустного, иронического и трогательного, народного и идеального, являющегося в форме этого произведения, как сказав, что мы созерцаем в ней Русь, что мы созерцаем в ней Пушкина».

(Эти мысли напоминают слова Баратынского из письма Пушкину (1828): «Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романтической завязки, ищут обыкновенного иразумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами...»).

Варнхаген закончил свою характеристику романа: «История проста, и связь не слишком строга. Но мы бы потерялись в частностях, мы бы должны были приняться за перевод, если б захотели представить пред глаза читателя все богатство фантазии, весь гумор поэта в отдельных изображениях. Быстрота и сжатость повествования, иронические и эпиграмматические отступления, на которые оно беспрерывно разбегается, – все это совершенно соответствует предметам, являющимся в произведении, предметам, которые именно таковы, что сами были должны заманивать и увлекать поэта в отступления... Всякий, кто будет читать это дивное создание, должен будет признать в его творце человека благородного и мужественного, человека хотя с огненными страстями, хотя склонного к заблуждениям, но пламенеющего и стремящегося ко всему благому, ко всему святому». Разумеется, из всех «огненных страстей», к созданию картин, которые «соответствует

предметам, являющимся в произведении», прежде всего может привести страстное стремление к истине.

Оценивая единство действия в «Борисе Годунове», Варнхаген отметил: «Создание русского поэта имеет такие же права на эти свободные формы, какие имеют исторические драмы Шекспира и Гётевы «Гетц Берлихингенский» и «Эгмонт»; оно по своему духу, по идее и внутренней форме близко к созданиям этих гениев. Мы делаем особенное ударение на слове «драма» в приложении к «Борису Годунову» именно потому, что толпа очень обыкновенно и очень охотно не признает того права, которое не выступает открыто. Не признавать произведение Пушкина драмою потому только, что он сам не называет его так, было бы несколько не лучше того, как и отрицать у Гёте искусство изящно писать по-немецки: ведь Гёте сказал же где-то, что он не мастер писать по-немецки. Такая скромность почти всегда бывает опасна, потому что толпа охотнее и больше верит словам, нежели делу».

«Мировая судьба» для гегельянца состоит в диалектике преступления и наказания: «Драма заключается величественным впечатлением, в котором сосредоточивается вся сила совершившегося и в котором таится предчувствие новой Немезиды для нового преступления. Поэт разоблачил перед нашими взорами мировую судьбу.

Распределение сцен, на которые распадается вещество драмы и диалог, можно назвать в высочайшей степени мастерскими. Поэт строго держится истории, но это несколько не мешает ему везде удерживать в виду его драматическую задачу. Это произведение имеет большие исторические пробелы и ни одного драматического; противоположности, которые без всякой натяжки, без всякого искусничанья выходят из самого дела, в строгой диалектике сменяются и поборают друг друга; участие и интерес ни на минуту не охлаждаются во все продолжение развития до конца. Обрисовка характеров столько же зрела, сколько разнообразна; пер-

вым появлением, первыми словами лица живо обозначены и твердо поставлены. Властитель, бояре, духовенство, народ – все являются в их действительном различии: кисть художника равно сильна, равно верна в изображении как многоличного народа, так царя и патриарха, как католического, так и греческого монаха, как честолюбивой польки, так и кроткой царской дочери; пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное бесстрашие и простота – все является в своем истинном виде, все выговаривает свое сокровеннейшее, отличительнейшее существо. Это разнообразие, в котором каждый образ является характеристически отдельным, есть существенный признак драматического поэта; мы еще больше будем удивляться драматической силе гения Пушкина, если примем в соображение те малые, ничтожные средства, которыми он достигает своих целей. Здесь Пушкин является мастером первого разряда: все у него сжато и ярко, определено и быстро, ничего лишнего, ничего растянутого; нигде поэт не вдается в заманчивые отступления, которые так часто врываются в драматические произведения и думают оправдать себя названием лирических мест.

Для русских трагедия Пушкина имеет еще то преимущество, что она в высочайшей степени, если так можно выразиться, насквозь (*durchunddurch*) национальна. Если в драму входят и другие народы, и по мере своих отношений в их истинном, неурезанном виде (особенно немцы должны быть благодарны за почетное упоминание о них), то все-таки дело России безусловно овладевает всем участием. Мы, иностранцы, мы чувствуем биение русского сердца в каждой сцене, в каждой строке. Видя такое прекрасное соединение величайших даров, мы не можем не удивляться и не сожалеть, что Пушкин создал только одну эту трагедию, а не целый ряд, тем более что истинный драматический талант по своей натуре плодоносен и обыкновенно порождает легко и много. Если бы Пушкин прожил до-

лее, то он, может быть, еще больше совершил бы в этом направлении; но различные условия определенных временных отношений могли быть причиною, что поэт, избегая слишком большого ограничения, изливает свою драматическую силу в произведениях других, более свободных родов поэзии».

Высоко оценивая «Драматические сцены» Пушкина, Варнхаген отмечает его конгениальность с Гёте: «"Сцена из Фауста" – особенно достопримечательна, потому что мы видим, что Пушкин и эту великую идею лелеял в своем художническом духе и по данной пробе мы смело говорим, что он мог бы с успехом продолжать этот труд».

«Вся сила, все богатство поэта развивается в полноте мелких, преимущественно лирических стихотворений, составляющих содержание третьего тома. Здесь Пушкин является полным властелином, в необозримом могуществе; здесь сверкают самые яркие искры того пламени, который горел в сокровенных тайниках его души. С первого взгляда ясно, что все воплощаемые им ощущения были прожиты им, что они или выражение переворотов судьбы, или страдание и грусть мужественного сердца, или бодрость и надежда сильной души. В веянии этих ощущений дышит сам поэт, дышат его соотечественники, его современники; он отыскивает в их груди самые сокровенные струны, настроивает эти струны и ударяет по ним. Волнения, которые темно и болезненно движутся и борются внутри, освобождаются очарованием его выражения и выпархивают на свет, радостные и сияющие. Как глубоко, как могущественно вскрыл Пушкин в своих песнях сердце своего народа, видно из того, что эти песни проникли всюду в России, что они перелетают там из уст в уста и везде возбуждают восторг и вдохновение. Мало того, что они вполне удовлетворяют лирическому чувству народа, они еще возвышают его требования и умножают его богатство новым поэтическим сокровищем; неистоцимо это со-

кровище: расточая его, не уменьшишь, а увеличишь его богатство».

Разнообразие формы соответствует разнообразию содержания (вся полнота природы и духа): «Прежде всего заметим разнообразие, в котором обнаруживается здесь творческая сила поэта. От буйного вакхического дифирамба, от возвышенной оды и унылой элегии до самого простого напева, от дружеского послания до язвительной эпиграммы, от пророческого восточного символа до песни, посвященной минуте и случаю, – здесь собраны все формы. Легко, свободно бегут стихи и рифмы, никак не выступая, однако ж, из строгих пределов строфы; ямбы и дактили чередуются с трохеями; вместе с грациозными, легкими формами песни теснятся стройные стансы, ловкие сонеты и тяжелые на подъем ряды александрин. Содержание не менее разнообразно. Слава творения, полнота природы, чувство любви и грустного порывания, величие России, обманы жизни, страдание отречения и отчаяния и потом снова утешение в дружбе и в искусстве, свобода мысли и упоение насмешки, – все эти внутренние движения и чувствования просветляются в груди поэта и становятся отрадными, примирительными образами.

Великое создание природы лежит в основании всех его стихотворений, оно просвечивает сквозь все переживания ощущений и дает им тон и выражение. В дивно прекрасных строфах «К морю» как будто воздымается во всем великолепии эта свободная стихия, с которой так тесно связаны вдохновение и грусть души, порывающейся вдаль; они намекают на гробницу Наполеона и на песни Байрона, которого образ мощно очерчен в образе моря, и наполняют нашу душу грустию самого поэта, отрывающегося от любимого им берега. Жалобы, исторгаемые из души поэта разлукою и одиночеством, воспоминания об обольщениях и утратах жизни, думы и мечты в дороге, при случайных встречах, – все это гармонически перемешано с образами природы; у него равно художественны: и лист запоздалый на ветке,

и одинокий звук, раздавшийся в зимнюю ночь, и опоясанный облаками Кавказ, и зеленое море степей».

(П. А. Вяземский вспоминал: «В Пушкине было верное понимание истории: свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость... Пушкин был впечатлителен и чуток на впечатления; он был одарен воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей настолько, что мог отрешать себя от присутщего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем. Все это качества, необходимые для историка, и Пушкин обладал ими в достаточной мере. История прежде всего должна быть, так сказать, разумным зеркалом минувшего, а не переложением того, что есть»).

Варнхаген отметил аналогичные качества: «Беспрерывно испытывая в своей собственной жизни все горести и страдания человеческого жребия, он умеет также переноситься в положение другого, совершенно забывая себя в нем и сочувствовать его участи; и нигде это сочувствие не выражалось с такою силою, в такой истине, как в элегии Пушкина на умиляющую смерть Андрея Шенье. Песни, посвященные друзьям, исполнены нежной, искренней сердечности, теплых воспоминаний и бодрого упования; вообще дружба является у него на первом плане и в мощных чертах; самая любовь уступает ей, по крайней мере по живости выражений. Пушкин, кажется, охотнее выражает сцены страсти в своих поэмах, нежели в лирических формах. В несравненной песни «Талисман» ревность потеряла всю свою жесткость в очаровательном благозвучии, переливающимся в этих музыкальных строфах, могущих выдержать всякое состязание с звуками языков южных. Не борьба и не страдания любви, а уж полное удовлетворение и блаженство любви выговорено поэтом в его

дивном сонете «Мадонна», где он сознает, что осуществилось все, к чему порывалась душа его, что он владеет тем, что было единственным его желанием. Светлое сознание блаженства, данного ему супругою, тем трогательнее, что несчастные враждебные события возмутили впоследствии это чистое счастье».

Если Аверинцев в гармонии Пушкина усматривал контраст содержания и формы, то Варнхаген, помимо гармонии, находил в его творчестве и элементы дисгармонии: «Но поэт в своих отношениях к людям, к свету не мог предохранять себя от внутренней дисгармонии, – и эта дисгармония прорывается у него в резкой, в горькой насмешке, в гневе и гордости. В сонете, в котором он обращается к самому себе, «Сонет к поэту», выражена вся свобода его самостоятельного духа, все величие его, вся сила его смелого презрения. «Презри толпу! – восклицает он. – Ты царь – живи один; ты художник – будь доволен в самом себе и самим собою, и если ты доволен, то пусть люди поносят тебя, пусть они забудут тебя». Что это чувство было истинным, было всегдашним чувством Пушкина, в этом свидетельствуют множество других мест в его произведениях и целая жизнь его, бывшая всегда выражением души мужественной, души свободной, непреклонной».

Варнхаген несколько упрощает дело. По воспоминаниям Адама Мицкевича, Пушкин «любил обращать рассуждения на высокие вопросы, религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели». Однако по данному вопросу невозможно не учитывать таких произведений как «Пророк» («Глаголом жги сердца людей!») и «Памятник» («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»).

Вывод Варнхагена: «...русская поэзия может смело поставить себя наряду со всякою другою поэзиею, достигшею до высочайшей степени развития... Пусть между тем его соотечественники собирают все, от-

носящееся к его жизни, и заготавливают материалы, которыми воспользуются будущие поколения. Память о жизни великого человека дорога и священна для благородных наций, и мы видим, что те народы, которые заслуживают это название, старались хранить в памяти не одни политические дела и военные подвиги, но и события литературные, и тихую жизнь частного человека».

(В унисон звучит голос Мицкевич: «...Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные и, по-видимому, друг друга исключают качества. Пушкин, коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего. Он был одарен необыкновенной памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентарных прений»).

В своей статье Варнхаген рассмотрел далеко не все труды Пушкина. Но самое главное он сделал: продемонстрировал философский диалектический подход к своему предмету. Статья получала высокие оценки и в XIX, и в XX веке. В. Ф. Асмус в своей книге о Пушкине писал: «Статья Варнгагена увлекает; в ней есть философские горизонты и чувствуется искреннее, не надуманное восхищение. Многих людей Запада она захватила взволнованностью и энтузиазмом. В их числе был Томас Карлейль, который писал Варнгагену в 1842 г.: "Мы должны быть вам благодарны, я в первую очередь, за то, что вы дали нам в первый раз представление о дикой поэтической душе Пушкина; я должен был себе сказать: да, это гениальный русский; первый раз я постигаю русских людей"».

Оценка статьи остается высокой и сегодня. Но вот вопрос: можно ли считать голос Варнхагена «голосом

самого Гегеля»? Вопрос риторический. Ответ очевиден: нельзя. Хотя бы потому, что из всего богатства категорий гегелевской философии искусства ученик использовал лишь малую часть (развитие, взаимодействие, гармония, дисгармония, форма, содержание, противоречие). Для углубленной характеристики пушкинского творчества этого недостаточно. Пример: Пушкин активно использовал категорию «идеал». Как же можно понять его эстетику и творчество, игнорируя эту категорию? Используя несколько гегелевских категорий, можно разработать тему «Пушкин глазами гегельянца». Но для разработки темы «Пушкин глазами Гегеля» придется использовать все категории гегелевской эстетики (а также – некоторые другие разделы этой философии).

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Заславская Елена Александровна
zaslavskaja@gmail.com

НОВАЯ ЗАРЯ

НОВАЯ ЗАРЯ

Душа моя, о чем ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик –
Убийца, нацик и фашист?

Что нет ни правды и ни кривды,
Есть только ярость и покой,
И все забудутся молитвы,
И были порастут быльем,

Колочие степные ветры,
Свидетели ночных атак,
Как прежде отпоют отпетых
Сорвиголов и забияк,

И ты исчезнешь в темной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?

Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так общей болью причащаясь,
Ты узнаешь, что есть любовь.

И ею как щитом хранима
Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

2017

EXCELSIOR. МОТОРОЛА

Когда господин Террор
заводит свой часовой механизм
чей-то голос за кадром
звучит: «Мотор!»
Герой заходит в дом
номер 121,
и господин Террор
обрывает трос.

Миг
и лифт, который должен
сорваться вниз,
бойца вознес!
Туда, где молнии.
Туда, где ангелы.
Хоронят русского воина
Под флагом Спарты.

Не плачь и не бойся!
Это еще не конец.

Просто
в небе над донецким аэропортом
появился новый связной –
Моторола!

2016

МАНТРА СНАЙПЕРА

Тот, что напротив
сквозь оптику
смотрит на осень.
Зреют колосья
на поле, разъеденном оспой
воронок,
и солнце,

скрипя расколовшейся
осью,
закатится скоро,
на дальних форпостах,
сверкнут, будто слезы,
холодные звезды,
и ворон,
на пугало сев, прокричит: «Nevermore».

Никто не вернется.

Но девушка в хоре
поет и поет нам,
И голос высокий
зовет заглянуть в мир иной,
называемый горним.
А вдруг там ни По нет,
ни Блока, ни Бога,
ни смысла, ни толка!
И мне остается
последний патрон
и винтовка
СВ Драгунова,
и тот, что напротив,
и осень,
что входит в меня
через дырочку в горле.
И небо моей Новороссии
близко, черно и бездонно.
И падают звезды.
Кому на погоны,
А нам на погосты.

2016

НЕМО

(отрывок из поэмы)

* * *

Я вглядываюсь в линию горизонта
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.
Наш город давно под водою.
Город-легенда, миф.
Кто же его придумал?
Жив он или погиб?
Скиф говорит, что пули
Похожи на стайку рыб.
Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине дикого моря,
Которое было всегда,
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны,
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.

* * *

– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдают за нами!

Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нем ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина, полная мертвецов.

И увидишь,
Как скифская баба,
Поля дикого, моря великого
Богородица камнеликая
Выбирает себе жрецов.

2019

ЗВЕЗДА БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Где все так неясно,
Где будущее – туманность,
А прошлое поломалось,
Где гуляют ночные волки
И контрабасы
Прячут нал и обрезы,
Это все, что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Не нанесенной на Google Карты,
Где все так просто,
И так понятно,
Где полевые командиры
Отправляются в космос
На лифте,
Где терриконы безумия
Страшнее, чем у Лавкрафта,
Здесь есть место
Для подвига и для мести.
Наведи свой зум –
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!

Когда же она взорвется,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!

2016

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список докладов ФМО за 2019 год

- 13.02.2019. Об одном забытом и загадочном открытии в психологии (А. И. Атоян)
- 20.02.2019. Коммуникативное действие в информационном поле «Донбасс – Русский мир» (А. И. Атоян)
- 27.02.2019. О гибридах естественного и гуманитарного знания (Ю. Г. Свиридюк)
- 13.03.2019. Дегуманизация антагониста в информационном пространстве (Н. С. Ищенко)
- 03.04.2019. Тоталитарные секты в современном гражданском обществе (К. Б. Сабина)
- 10.04.2019. Российская империя как барочный феномен (Н. С. Ищенко)
- 17.04.2019. Иммерсивный театр в эпоху метамодерна (О. В. Тихая)
- 15.05.2019 Синтез искусств в творчестве голландской студии DRIFT (Е. А. Заславская)
- 22.05.2019. Глубинные люди (Д. В. Якушкин)
- 29.05.2019. Обсуждение монографии В. Ю. Даренского «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века».
- 25.09.2019. Сохраним Русский мир на Украине, сохраним Украину внутри Русского мира (А. И. Атоян)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ 1. СЛУШАЛИ

<i>Атоян Арсентий</i> МОНТЕНЕВСКИЙ ПРИЗЫВ	5
<i>Ищенко Нина</i> РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК БАРОЧНЫЙ ФЕНОМЕН	20
<i>Сабина Ксения</i> СЕКТОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	33
<i>Даренский Виталий</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД РУССКОГО МИРА	46

РАЗДЕЛ 2. В НАШИХ ПЛАНАХ

<i>Даренская Вера</i> КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО МИРА В РАБОТАХ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА	57
<i>Кондауров Андрей</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ИСКУССТВА	65
<i>Патерыкина Валентина</i> ЭТО СЛЕГКА ПОДЗАБЫТОЕ СЛОВО... ..	72
<i>Деревянко Константин</i> ПУШКИН ГЛАЗАМИ ГЕГЕЛЬЯНЦА	87
ПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ	117
<i>Заславская Елена</i> НОВАЯ ЗАРЯ	117
ПРИЛОЖЕНИЕ	122

*Философское
монтеневское общество – 2019*

**КОЛЫШЕТСЯ РУССКОЕ ПОЛЕ...
ВНЕМЛИ, РУССКИЙ МИР!**

*Сборник докладов
Философского монтеневского общества*

Составители – Ищенко Н.С., Заславская Е.А.
Редактор – Ищенко Н.С.
Компьютерная верстка – Котова Е.В.
Фото – Теликанова И.Ю.

Подписано в печать 10.10.2019.
Формат 60x84/16.
Типограф. гарнитура GaramondBookCTT.
Печать. RISO. Усл.-печ. л. 10,11
Тираж 100 экз.